

Владимир Дулга
Комодский дракон

Поезд призрак. Часть 2

Владимир Дулга

**Комодский дракон.
Поезд призрак. Часть 2**

«Издательские решения»

Дулга В.

Комодский дракон. Поезд призрак. Часть 2 / В. Дулга —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505415-9

...Друзья решают незаметно покинуть станцию, для чего пробираются ближе к вокзалу и к проходящим поездам. Попытка проникнуть в ненадолго остановившийся коротенький пассажирский состав для Александра закончилась неудачей....

ISBN 978-5-00-505415-9

© Дулга В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Комодский дракон	7
Поезд призрак, часть 2. фантастика	7
Предисловие	8
Морда бандитская	9
Старший лейтенант госбезопасности	13
Леший	20
Есаул Леонид Краснощёков	26
Отец Иоанн	32
История из детства	38
Виктор Карпов	44
Отец и сын	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Комодский дракон Поезд призрак. Часть 2

Владимир Дулга

Дизайнер обложки Евгений Берман

Иллюстрации Владимир Дулга

© Владимир Дулга, 2020

© Евгений Берман, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-5415-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-6439-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Владимир Дулга (Гниляков) родился в городе Шадринске 17 мая 1948 года. Большую часть прожитых лет, посвятил военной службе. Окончил Благовещенское танковое командное училище и Академию Бронетанковых войск. Служил в Туве, Хакасии, Омске, Группе советских войск в Германии, три года был военным советником в Сирии. Службу закончил на преподавательской работе. С июля 2015 года член Российского Союза писателей. Номинант национальной литературной премии «Писатель года» 2015, 2016, 2017, 2018 годов. Печатался в издательстве «Ридеро», альманахах Российского Союза писателей «Проза» в 2015, 2016, 2017, 2018 годов, на порталах «Самиздат» и «Проза.ру». Автор более десяти книг.

Комодский дракон

Поезд призрак, часть 2. фантастика

Предисловие

Школьные друзья Михаил и Александр, встретившись в родном посёлке через многие годы после окончания школы, вспомнили и воплотили в жизнь юношескую мечту, проникнуть в загадочную пещеру под скалой со странными рисунками и древними надписями, случайно обнаруженную в окрестностях маленькой таёжной деревушки на берегу горной реки.

Спустившись в подземелье, друзья попадают в оставленный староверами тайный храм, соседствующий с лабиринтами взорванной угольной шахты. В древнем храме происходят странные явления. Под куполом, освещая потемневшие лики святых, вспыхивает сияние, электрические разряды огненными змейками струятся по чёрным стенам под ноги путешественников. Друзья чувствуют головокружение, дикая пульсирующая боль обручем сжимает головы, они с трудом покидают церковь.

В шахте, в дальнем конце угольной штольни, замечают, едва видимый, старый пассажирский вагон. Внезапно гаснет фонарь – разрядился аккумулятор – дорога назад закрыта! Через несколько часов, раскопав едва заметную щелку в заваленном выходе из шахты, обессиленные искатели приключений, наконец, оказались под звёздным куполом ночного неба.

Утром, проснувшись на стоге душистого сена, в пелене розового тумана, они замечают изменения в окружающем мире: – из чрева засыпанной ещё вчера шахты, старинный паровоз выкатывает вагоны с углём. По железной дороге не ходят знакомые зелёные электрички, там древние паровозы с трудом тащат состав маленьких теплушек. Милиционер в старинной форме, вызванный охраной шахты, пытается найти незнакомцев.

Друзья решают незаметно покинуть станцию, для чего пробираются ближе к вокзалу и проходящим поездам. Попытка проникнуть в ненадолго остановившийся коротенький, пассажирский состав для Александра закончилась неудачей. Михаил заскочил в первый вагон, и поезд покинул станцию.

Морда бандитская

Александр, сбитый с ног догнавшим его железнодорожником, с трудом повернув голову под навалившимся на него тучным, потным, пахнущим махоркой телом преследователя, увидел, как Михаил запрыгнул в тамбур первого вагона. Через мгновение коротенький состав, быстро набирая скорость, растаял в воздухе, будто его и не было.

С помощью подбежавшего милиционера в белой гимнастёрке и дурацком шлеме на голове, Сашку поставили на ноги.

– Ну что, морда бандитская, набегался? – злобно выругался милиционер, коротко и мощно ударив Александра «под дых», – от нас не убежишь!

Сашка скрючился от боли, пытаясь вдохнуть воздух, и на какое-то время потерял сознание.

Очнувшись от того, что толстый железнодорожник, склонившись над ним, лил на лицо мутную воду из закопчённого чайника.

– Очухался вроде, – пробасил он, – ты, Палыч, будь поаккуратнее, ненароком убьёшь гада! Что в районе скажут?

– Вставай! – обратился он к Сашке, – разлётся тут! Вставай! – потянул его с силой за ворот рубашки.

Александр с трудом поднялся с пола, руки оказались связанными. Железнодорожник грубо усадил его на расшатанный табурет и встал сзади.

Куривший у окна милиционер, подвинул древний колченогий стул, сел и, глядя Сашке в глаза, спросил:

– Кто вы, и что делали возле шахты?

– Спали, – простодушно ответил Сашка.

Милиционер нахмурился, сжимая кулак.

Поняв, что ответ выглядит, как глупая насмешка, Сашка поспешил добавить:

– Мы очень устали, всю ночь откапывали выход из этой проклятой шахты. Поэтому залезли на стог сена и сразу уснули.

– Мы это кто? – вновь приблизив своё злое лицо к самому Сашкиному носу, спросил милиционер.

– Я и Михаил, мой друг, он на том коротеньком поезде уехал.

– Так вы были в шахте?

– Были, – коротко ответил Сашка. И по тому, как многозначительно переглянулись милиционер и железнодорожник, понял, что сболтнул лишнего.

– И что там видели? – осторожно и вкрадчиво поинтересовался милиционер.

– А что там увидишь? – вполне натурально удивился Александр, – там же темно было. Фонарик у нас давно разрядился, и мы откапывались в темноте всю ночь. Еле вылезли!

– Так, так, – задумчиво промолвил милиционер, вероятно не зная, как продолжить разговор, – а вы-то туда, как попали, и зачем откапывались, если ворота есть? Вышли бы, да и всё!

– Не было там ворот, весь вход был камнями засыпан, – разозлившись на его непонятливость, почти прокричал Александр.

– Но, но! – предостерегающе поднял руку милиционер, – ты тут шибко не ори! Но вы туда, всё же, как-то попали?

Тут Сашка понял, что влез в какую-то серьёзную и неприятную историю и решил соврать:

– Мы на рыбалку приехали, рыбачили с той стороны горы, там маленькая речка протекает. Хариусы крупные водятся...

– Я тебя не спрашиваю про рыбалку, речку, рыбу и червяков, – набычившись, спросил милиционер, вставая со своего стула, – я спрашиваю, как вы оказались в шахте? Ну!

– Сейчас он мне в ухо даст, или табурет из-под меня выбьет, – пронеслось в Сашкиной голове:

– Гроза была сильная, – как бы вспоминая прошедшие события, ответил он, – молнии одна за другой били в скалу. Мы залезли в какую-то пещеру. Дождь лил, как из ведра. Вода в речушке прибыла, залила нашу берлогу, и мы вместе с ней провалились вниз. Больше я ничего не помню. Очнулись в полной темноте, все вещи остались возле реки. Хорошо у Михаила в кармане оказался маленький фонарик. Но и он вскоре перестал работать. Почувствовали ветерок, нашли маленькую щелку в завале, начали копать, наружу выбрались только ночью.

– Ты нас что, за дураков считаешь? – едва сдерживая злость, спросил из-за спины железнодорожник, – второй месяц дождей нет, того и гляди без сена останемся, а он нам о ливне сказки рассказывает!

– Это у вас ливня не было, а за горой был, – продолжал сочинять Сашка.

– Шахта вновь работает, уголёк выдаёт, может не сильно много, но выдаёт. А ты нам рассказываешь о заваленном входе, – добавил милиционер, – так и напрашиваешься, чтобы я тебе рёбра переломал!

Саша молчал, не зная, что сказать, не навредив себе.

Милиционер и толстый железнодорожник отошли к окну и там тихонько переговаривались.

Александр, как мог напряг слух, и услышал обрывки фраз:

– «...Комодо...где?...» – едва слышно спросил милиционер.

Железнодорожник опасливо покосился на Сашку, открыл слегка приоткрытую створку окна, выглянул наружу, снова шумно захлопнул окно и что-то ответил.

Александр расслышал лишь словосочетание – «...прибыл... растущая...»

После этого они вернулись к Сашке.

– Пока ты на досках перрона отдыхал, мы тебя перетащили сюда, обыскали, никаких документов не оказалось, поэтому, как говорится, соблюдем все необходимые формальности, – важно произнёс представитель власти, усаживаясь за обшарпанный стол.

В то время, как он раскладывал бумаги и вытирал перо ручки, Сашка успел отметить, что это знакомое перышко №11, каким в детстве старательно выписывали первые слова в тетрадке для чистописания. Над столом, в гипсовой раме, косо висел портрет молодого Сталина, в простенке между окнами разместился плакат с громадным чёрным паровозом, украшенным красной пятиконечной звездой и надписью – «Развитие транспорта главная задача пятилетнего плана». Рядом другой плакат, изображающий жуткий оскаленный череп, на фоне цистерн с надписями «Спирт» и фигурой железнодорожника, в чёрной шинели, в чёрных очках, с тросточкой в руке. Поверх всего этого, огненная надпись – « Не пей метилового спирта! »

Милиционер разложил бумаги, ткнул пером в чернильницу, внимательно посмотрел на Александра и сказал:

– Приступим! Ваша фамилия, имя и отчество?

– Карпов Александр Иванович.

– Дата рождения?

– Четвёртое октября одна тысяча девятьсот сорок восьмого года.

Милиционер внимательно посмотрел на Александра и продолжил:

– Место рождения?

– Город Ангарск Иркутской области

Из-за спины вмешался разъярённый железнодорожник:

– Врёт, гад! Такого города нет ни в одном билетном справочнике!

Милиционер продолжил:

– Место жительства согласно прописке?

– Город Братск.

Железнодорожник даже взвизгнул от возмущения и произнес только одно:

– Опять врёт, нет такого города!

– Образование?

– Высшее, – инженер по обслуживанию силового оборудования электрических железных дорог.

В комнате повисла гнетущая тишина, прерванный звуком падающего стула и рёвом милиционера:

– Убью скотину!

Железнодорожник кинулся ему навстречу:

– Пальч не бери грех на душу! За ним скоро приедут!

Тот всё же успел опрокинуть Сашку вместе со стулом на спину, и пару раз крепко пнуть его своим сапожищем.

– Он же над нами издевается, – гремел милиционер, – смеётся, как над детьми! Какие электрические железные дороги в наших краях? Где эти несуществующие города? А какой год рождения себе придумал? Ты слышал? – обратился он к железнодорожнику, – честное слово, я за себя не ручаюсь! Вот это что? – склонился милиционер над лежащим Сашкой, показывая ему какую-то измятую пачку.

В ней Александр узнал вьетнамские сигареты «Thang Long». Сашка, бросая курить, всё же изредка «покуривал», и пачка сигарет лежали в кармане его старого пиджака. Сигареты из дружественного Вьетнама стоили недорого, приятно пахли и не высыпались от встряски.

– Это мои сигареты – ответил он.

– Что это за каракули?

– Название сигарет на вьетнамском.

– А не на японском, случайно, шпионская рожа? Сейчас подъедет следователь НКВД из шахтного управления, вот ты ему всё это и расскажешь.

– Вставай! – заорал железнодорожник и потянул Сашку за ворот рубашки.

Александр поднялся и подталкиваемый им, вновь очутился за столом.

– Прочитай и распишись, – повернул к нему лист протокола милиционер.

Александр внимательно прочитал написанное, попутно добавив в слове «рассмотрел» недостающую букву «с», и исправил заглавную букву «О» на «А», в названии «Ангарск». Что не ускользнуло от взгляда милиционера, и он злобно скомандовал:

– Внизу роспись разборчиво и число! Грамотей!

Сашка аккуратно расписался и, затаив дыхание, посмотрел на милиционера.

– Двадцать третье августа, одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года, – продиктовал тот и засмеялся, увидев Сашкины удивлённые глаза, – вторник! Кстати, что у тебя на ногах?

– Кеды, – ответил Сашка, – обувь такая.

– Японские, наверное? – поинтересовался милиционер, – носи пока!

Александра увели в подвал и закрыли в тесной, холодной камере, с тусклой лампочкой под потолком. Перед тем, как захлопнуть дверь, милиционер развязал руки и бросил на пол его грязный пиджак:

– Отдыхай!

Громкие шаги представителя власти вскоре затихли.

Через щелочку в двери Александр увидел часового, – хмурого дядьку, вероятно из шахтной охраны, стоящего напротив двери в его узилище.

Старший лейтенант госбезопасности

Сашка сел на узкий топчан, прибитый к стене.

От пережитых событий он никак не мог собраться с мыслями и не мог нащупать ту ниточку, по которой можно было добраться до сути происходящего.

– Что же это получается? – пытаясь разложить по полочкам спутанные мысли, начал соображать Александр. – Мы залезли под скалу двадцать первого августа семьдесят шестого года, и я помню, что это была суббота. А вылезли и проснулись в стогу двадцать третьего августа тридцать восьмого года во вторник. Вернулись назад на тридцать восемь лет, – Сашка поёжился, представив эту временную пропасть, – в нашем семьдесят шестом всё понятно и привычно, а тут – какой-то ужас! Кто я теперь, что будет со мной дальше и куда уехал Мишка? Вообще, нахрена нам всё это было нужно? Ещё там наверху, возле этих исписанных камней, когда Михаил спустился в пещеру, сердце так заныло: – «бросьте вы это дело, возвращайтесь домой!» Но не послушались и вот финал! А тут ещё милиционер вдруг решил, что я японский шпион! Так и расстрелять могут запросто! В тридцать седьмом помнится, через одного по статье шпионаж к стенке ставили.

Александр заметался по камере, как зверь в клетке:

– Что делать?

Он постучал в дверь камеры.

– Чё надо? – донёсся ленивый отклик часового.

– Воды дайте, неумогу пить хочется!

– Не велено никуда отлучаться!

– Тьфу ты! – выругался Сашка, – «чё надо, не велено» – передразнил он мужика.

Поднял пиджак, отряхнул, лёг на жесткий топчан, подложив пиджак под голову. Мысли теснились, налезая одна на другую:

– Надо бежать из этой деревни и с этой станции! Бежать куда угодно! Наверное, дома у родителей, до сих пор прежнее – настоящее время? А где оно сейчас настоящее? – выплыл из глубины воспалённого сознания вопрос.

Сашка вскочил с топчана, и вновь забегал по камере:

– Вот я здесь, избитый, но живой, вроде не сплю, могу себя ущипнуть и проверить, что происходящее не сон, – он ущипнул себя за ухо, – нет, не сон! На дворе август тридцать восьмого года, а я родился в сорок восьмом. Тогда кто эти люди, милиционер, железнодорожник, часовой? Милиционеру на вид, лет сорок, выходит, что он родился в прошлом столетии. И в наше время ему, ему должно быть, под восемьдесят! Бойкий старичок, – горько усмехнулся Сашка, – вспомнив тяжёлый кулак милиционера и его кованые сапоги. Надо впредь быть осмотрительным, лишнее не болтать, не спорить и не злить следователя из НКВД. Название-то какое-то тяжеловесное, вызывающее страх и мысли о Берии и Ягоде, – вспомнил Александр жуткие рассказы о застенках этого ведомства!

Время тянулось ужасно медленно, он мерил шагами камеру – три шага в одну сторону, три шага в обратную.

– Может сумасшедшим прикинуться? – подумал Саша. И тут же отбросил эту мысль, вспомнив, как в старом, черно-белом фильме «Камо», главного героя, пламенного революционера, жгли в застенках царской охраны калёным железом. Он не издал ни звука, даже не изменил позы, и только по расширенным от боли зрачкам старый психиатр понял, какую сумасшедшую боль переносит этот мужественный человек. Врач приказал, прекратить мучения, и признал узника невменяемым, тем самым спас ему жизнь.

– К сожалению, я не Камо, – грустно улыбнулся своим мыслям Александр, – начнут пытать, – буду орать так, что у палачей барабанные перепонки лопнут! А впрочем, зачем при-

кидываться дурачком? Проще рассказать им всю правду, как есть, о том, кто я такой, как появился, из какой жизни пришёл и что там, в той жизни, новенького! И всё! Примут за умалишённого! Дорога в «психушку» обеспечена, к местным «Наполеонам и Ньютонам». Но это всё равно, лучше, чем получить пулю в затылок по приговору «Тройки».

Александр посмотрел в щелочку двери, часовой сидел на ступеньках лестницы, обхватив обеими руками винтовку и, по-видимому, дремал.

Сашка с силой постучал в дверь, дядька встрепенулся, вскочил, поправляя выдавшуюся фуражку, прохрипел испуганным голосом.

– Чё надо?

– Зови кого-нибудь из начальства!

– Время придёт, сами придут! Мне отлучаться не велено!

– Я целый день без воды и еды, – настаивал Александр, – я прокурору жаловаться буду!

– А где он, твой прокурор? В районе, поди, аль в области сидит? Тут у нас один прокурор – Пётр Палыч! Как он порешит, так и будет. С им даже люди с шахтного поезда считаются, советуются! – ответил часовой и, вероятно, поняв, что сболтнул лишнее, надолго замолчал.

Вскоре за Александром пришёл милиционер, сыромятным ремешком привычно связал ему руки за спиной и привёл в прежний кабинет. В кабинете, на подоконнике настезь открытого окна, сидел и курил средних лет худощавый мужчина, в военной форме, с двумя прямоугольниками в малиновых петлицах.

Саша прошёл и сел на прежний табурет, милиционер остался возле дверей. Незнакомец, не вставая с подоконника, негромко произнёс:

– Здравствуйте Александр Иванович! – дождавшись, когда Саша повернётся к нему лицом, продолжил, – старший лейтенант государственной безопасности Сухарев, мне поручено проведение дознания по вашему делу. Заметив, что Саша задержал взгляд на струйке папиросного дыма уплывающего в окно, поинтересовался, – курите?

– Всё пытаюсь бросить, но не как не получается, – признался Сашка.

– Угощайтесь! – предложил старший лейтенант, подходя к Александру и протягивая пачку «Беломорканала».

– Спасибо! – поблагодарил Саша, – предпочитаю свои, «Беломор» я считаю очень крепким. Хотя отец курит его до сих пор, несмотря на возраст. При обыске у меня изъяли мои сигареты, если возможно, разрешите их?

Чекист посмотрел на стоящего возле двери милиционера. Тот путано стал объяснять:

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, при задержании сигареты поломались, мы их выбросили, а пачку из-под них я вам предъявлял.

Уловив испуг в оправданиях милиционера, Сашка хотел понимающе махнуть рукой, – «мол, Бог с ними!». Но руки оказались связанными. И ему ничего не оставалось, как сказать:

– Ничего страшного! Всё равно, когда-то нужно бросать курить!

– Развяжите его! – приказал старший лейтенант.

Милиционер поспешно развязал ремешок на Сашкиных руках и вытянулся у двери.

– Ну, тогда давайте приступим к делу, – даже как-то радостно, предложил чекист, обходя Александра и садясь за стол.

Милиционер, торопливо доставая связку ключей из кармана своих необъятных галифе, протопал в угол кабинета, где стоял древний сейф, со скрипом открыл его толстенную дверцу, извлёк тоненькую папочку для бумаг, смятую пачку из-под Сашкиных сигарет и осторожно приблизившись, положил всё на стол перед чекистом. Вернулся к сейфу, стоя спиной к комнате, безуспешно пытался его закрыть.

– Разломали все сигареты, идиоты! – подумал Александр, – наверное, спрятанную шпионскую шифровку искали! Ничего не нашли, сделали самокрутки из табака и искурили вместе с толстяком-железнодорожником!

Чекист, вероятно, не в первый раз перечитывал протокол предыдущего Сашкиного допроса, пытаясь разобрать корявый подчерк милиционера.

Сашка, пользуясь тем, что на него в этот момент никто не смотрел, прикидывал возможный вариант побега. Ранее, следя за струйкой дыма улетающей в раскрытое окно, он пытался представить, что там, за окном? Заросший кустами палисадник, с невысоким штакетником, или крепкий забор из островерхих досок? Эта была тыльная сторона здания вокзала, обращённая к посёлку, железнодорожные пути, кусты и река располагались с противоположной стороны.

– Пока никто на меня не смотрит, – чекист за столом, милиционер далеко у сейфа, сейчас рывком развернусь, три шага, прыг в окно и дёру! Пока они подбегут и вылезут, может быть, и убегу! – лихорадочно соображал Сашка. Он даже почувствовал лёгкую дрожь в теле, как на старте стометровки, – сейчас рвану! Будь, что будет!

Но другой внутренний, рассудительный голос, предостерегал:

– А если там высокий забор, стена амбара, или чей-то огород? Не убежишь, будешь метаться, как жучка вдоль ограды. Тогда точно поймают, и хорошо, если не убьют! Надо подождать, вести себя спокойно и тихо! Надо оглядеться, как говорил отец!

– Я ознакомился с протоколом вашего допроса! – начал старший лейтенант, – думаю, вы понимаете, что государственная безопасность мелкими делами не занимается? И если я здесь, то дело очень серьёзное и вам стоит подумать о последствиях. Я хочу уточнить некоторые вопросы. Вы утверждаете, что были в шахте?

– Да были?

– Кто ваш друг?

– Михаил, я знаю, что он офицер Советской армии.

– Я не знаю такой армии?

– Так станет называться после войны теперешняя Красная армия.

– О какой войне вы говорите?

– Это война с Германией, она начнётся летом сорок первого года и закончится весной сорок пятого. Мы победим!

Чекист предостерегающе поднял перед Александром руку:

– Помолчите!

Повернулся к милиционеру и приказал:

– Закройте окно, выйдите в коридор и ни кого сюда не впускайте! Будет необходимо, я вас позову!

Когда за милиционером закрылась дверь, сотрудник государственной безопасности с металлом в голосе обратился к Александру:

– Вы отдаёте себе отчёт в том, что вы говорите?

Это же полнейший бред! Вы сумасшедший? Мы успешно сотрудничаем с Германией во многих областях. Насколько мне известно, готовится подписание договора о мире и сотрудничестве. Вы кто? Провокатор, подстрекатель? А может, бывший белогвардеец из Харбина? – с трудом сдерживая гнев, следователь продолжил, – заявленный вами год рождения, это что? Глупая шутка, или издевательство надо мной и законом?

– Нет! Я действительно родился в одна тысяча девятьсот сорок восьмом году и не знаю, как очутился в вашем времени!

– Вы вспоминали своего отца. Родители живут вместе с вами?

Неожиданно для себя, Александр соврал:

– Да, мы живём в городе Братске.

Чекист, поперхнувшись матерным словом, спросил:

– Здесь правильно указана ваша специальность?

– Да, я специалист по силовому оборудованию электрических железных дорог.

– Так! – злобно прошипел, чекист, – мне кажется, я зря теряю время! И не собираюсь выслушивать твой бред! – неожиданно перейдя на «ты», закончил Сухарёв, – сейчас мы кое-куда проедем, а потом, возможно, вернёмся к нашему разговору

– Алябьев! – громко позвал следователь.

– Слушаю! – появился в дверях милиционер.

– Выезжаем!

На улице их ждала бричка. На козлы за кучера взгромоздился хмурый часовой из подвала, под поднятым брезентовым верхом экипажа, разместились сотрудник госбезопасности и милиционер, между ними втиснулся Александр со связанными впереди руками. Поколесив по пыльным улочкам посёлка, миновали железнодорожный переезд, перед въездом на дамбу деревянного моста, пропустили паровоз с единственным вагоном угля, ползущий от шахты. Когда под колёсами брички застучали доски моста, Александр через перила вновь увидел воду знакомой с детства речки и в душе появился холодок страха:

– Куда везут? К шахте. Что у этого вежливого старшего лейтенанта госбезопасности в голове? Отведут в какую-нибудь подземную келью, посадят на цепь и буду сидеть до конца жизни, дабы не распространял ненужных слухов и домыслов. Он вспомнил слова чекиста – «сейчас мы кое-куда поедем, а потом, возможно, вернёмся к этому разговору». Вот именно, – «возможно» вернёмся, а возможно и не вернёмся! А до этого он сказал, что госбезопасность мелким делами не занимается. Хотя сам-то, только старший лейтенант? Впрочем, если не ошибаюсь, это соответствовало майору в армии. А кто же был тогда главным чекистом страны? Товарищ Сталин их быстро менял! В это время, вероятнее всего, был кто-то из этих троих: – Ягода, Ежов, Берия? Наверное, всё-таки Ежов. Тридцать седьмой – тридцать девятый годы, самый разгар репрессий. Врагов народа и шпионов расстреливали пачками! Вот попал в пере-плёт! – подумал Сашка, – может попробовать соскочить с брички, перевернуться через перила и в реку? – промелькнуло в голове. – Нет, со связанными руками далеко не уплывёшь! Они все с оружием, начнут стрелять, а подвальный часовой из своей трёхлинейки может за километр подстрелить, если попадёт!

Между тем бричка подъехала к шахте. Стоящий у громадных ворот часовой, вытянулся, изображая воинское приветствие. Одна половина ворот было открыта, в тёмном чреве были видны тусклые лампочки, и доносился неясный шум. Подталкиваемый милиционером, Александр сошёл с брички и направился следом за чекистом к входу в шахту, подвальный часовой двигался сбоку, держа винтовку стволом в направлении задержанного.

Под сводами шахты стоял полумрак, а из глубины тянуло прохладой.

– Так, где вы раскапывали завал, через который не могли выйти? – повернувшись к Александру, спросил сотрудник госбезопасности.

– Где-то здесь, – ответил Саша, – на уровне ворот, с левой стороны, вверху под сводом.

– А где же сам завал? Где он? – вновь насмешливо спросил чекист.

– Не знаю, возможно, ещё не взорвали, позже взорвут.

– Вы утверждаете, что шахту должны взорвать! – заинтересованно уточнил чекист.

– Когда мы переправлялись на пароме, в наш первый приезд, деда Бога, рассказывал, что вход в шахту взорвали или в конце тридцатых, или в начале сороковых годов.

– «Деда Бога» – это служебный псевдоним? Он готовил взрыв шахты? Кто этот человек? – как бы по ходу дела спросил старший лейтенант.

– Не знаю. Может быть это его имя, возможно прозвище. Он умер в конце шестидесятых годов. Дед работал паромщиком в колхозе и ничего не собирался взрывать.

Старший лейтенант госбезопасности с неприязнь взглянул на Сашу и продолжил:

– Вы можете определить место, где вы очнулись, после того, как провалились под землю? Давайте пройдем дальше, возможно, что-то напомним вам, где это произошло?

Александр вспомнил о пассажирском вагоне, стоящем тогда в глубине шахты, отражая стёклами свет их фонаря. На этот раз вагона не было, и он решил об этом промолчать.

Ещё он вспомнил раскиданный по земле инструмент – ломы, лопаты, какое-то железо и ржавую вагонетку, стоящую на узкоколейном пути. А ещё малюсенький ручеёк, струящийся в последнем свете гаснущего фонаря и исчезающий под завалом. Об этом он рассказал чекисту.

В это время Александр увидел железнодорожную стрелку и второй путь, исчезающий в темноте бокового ответвления. Оттуда мелькнул огонёк фонаря и вскоре под лампочки основного тоннеля вышел пожилой мужчина в форме железнодорожника с саквояжем в руке. Он мельком взглянул на Александра, за руку поздоровался с сотрудником госбезопасности и кивнул милиционеру. Они о чём-то переговорили с чекистом, после чего все повернулись и направились к выходу.

На улице старший лейтенант спросил у Александра:

– Можете показать стог сена, в котором, как вы утверждаете, ночевали прошлой ночью?

Они спустились с насыпи, и Сашка без труда нашёл стог. Под присмотром милиционера и часового Александра отвели в сторону, подальше от реки. Чекист и пришедший железнодорожник, долго проводили какие-то измерения, направляя неизвестный прибор то на вход в шахту, то на мост. По их приказу, часовой из подвала раскидал весь стог, поискав в сене что-то и не найдя, все вернулись к насыпи.

– Где вы утром поднялись на насыпь, – спросил чекист.

– Вот здесь мы вынуждены были остановиться, так как в это время, паровоз выкатывал на мост вагон, – сказал Александр,

Сашке показалось, что чекист и пришедший железнодорожник, после его слов облегчённо вздохнули.

Железнодорожник остался у шахты, остальные прежним порядком вернулись в здание вокзала. Александра вновь отвели в подвал. Милиционер и часовой принесли ему миску жидкого капустного супа, ломоть хлеба и кружку слегка жёлтого чая.

В тяжких раздумьях Санька хлебал безвкусный суп.

– Что они задумали? Зачем была нужна эта поездка к шахте? Действительно, завала нет, как нет ручейка, ржавой вагонетки и пассажирского вагона. Но есть ещё одна железнодорожная ветка. Возможно, она была и тогда, мы её просто не рассмотрели в темноте! Откуда появился железнодорожник? Кто он? Судя по тому, что за руку он поздоровался только с чекистом – это человек не простой. Не про него ли проболтался часовой, рассказывая о «людях с шахтного поезда»? Чему чекист и железнодорожник так обрадовались, узнав, что Михаил и Александр утром видели паровоз, выезжающий из шахты? Интересно, что они замеряли со стога? Вопросов больше, чем ответов!

Затем его привели в ту же комнату на первом этаже, где его ждал старший лейтенант и незнакомый интеллигентного вида мужчина в штатском.

– Ваш коллега, инженер электрик, – представил его чекист, – хотел бы с вами поговорить!

– Нашли какого-то местного электрика, – подумал Александр, – хотят проверить меня по специальности, – ну что же, давайте посоревнуемся в знании физического явления, названного Уильямом Гилбертом «электричеством».

– Здравствуйте, – поздоровался мужчина, меня зовут Анатолий Яковлевич, как я могу к вам обращаться?

– Очень приятно, – ответил любезностью Сашка, – я Александр Иванович.

Перекинувшись несколькими общими историческими подробностями, вспомнили опыты Бенджамина Франклина, итальянца Гальвани, французского физика Ампера, исследования Фарадея и Эрстеда. Беседа плавно перетекла к решению современных задач и проблем, суть которых была совершенно непонятна внимательно слушающему электриков стар-

шему лейтенанту государственной безопасности Сухареву, он отвернулся и стал что-то писать на листе в папке.

Были затронуты вопросы оснащения первых отечественных тепловозов электрической передачей системы Гаккеля, а также перспективные разработки советских и германских инженеров в этой области в конце тридцатых годов. Александр Иванович поделился схемами электрических трансмиссий локомотивов шестидесятых годов, выпускаемых Луганским тепловозостроительным заводом. На обратной стороне чистого бланка допроса, он даже вычертил принципиальную схему электрических цепей двухсекционного тепловоза ТЭ-20. И рассказал о новейших советских электровозах. Анатолий Яковлевич, как показалось Александру, незаметно для чекиста, свернул схему и спрятал в карман пиджака.

Их оживлённую беседу прервал испуганный милиционер:

– Товарищ старший лейтенант, пассажирский на подходе! – взволнованно сообщил он! Поторопитесь, стоянка две минуты, у вас пятый вагон, отдельное купе!

Чекист захлопнул тоненькую папку, где делал какие-то пометки, склонился к беседовавшему с Александром инженеру:

– Что скажете?

В это время милиционер, заломил Сашке руки за спину и пытался найти в своём кармане сыромятный ремешок, чтобы их связать. Поэтому из ответа инженера, Александр услышал только обрывки фраз: – «несомненно, инженер... высшей...» и ответ чекиста: – «обследуют... специалисты разберутся».

– Товарищ старший лейтенант, – неожиданно запричитал милиционер Алябьев, – мне нечем связать арестованного, ремешок в камере оставил, сейчас я сбегаю, – его топот затих за дверью.

За окном послышался нарастающий перестук колёс прибывающего поезда, и лёгкая вибрация передалась по полу.

– Товарищ старший лейтенант! – глыбой ворвался в комнату толстый железнодорожник, – быстрее на перрон, прибывает! Опоздаете!

– Бараны тупорылые, что нельзя было раньше предупредить? – заорал чекист, – бегом на перрон! – скомандовал он Александру, и, больно заломив ему руку за спину, побежал рядом.

Они выскочили на перрон. В лучах заходящего солнца чёрный паровоз с красной звездой, выпуская под колёса белый струйки пара, приближался к дощатому перрону.

Сашка стоял между чекистом и железнодорожником, а прибежавший милиционер, стоя сзади, никак не мог накинуть петельку ремешка на шевелящиеся Сашкины кисти.

Когда до приближающегося паровоза остались считанные метры, Сашка неожиданно резко повернулся и кулаком, выдернутым из незатянутой ремённой петельки, мощно ударил чекиста снизу вверх в подбородок. Тот отшатнулся назад. Сашка, как уж вывернувшись из рук милиционера, сделал шаг и спрыгнул с невысокого перрона на пути, мгновенно перескочил

второй рельс, и, падая вперёд, почувствовал тепло промчавшегося паровоза, прямо за своей спиной. Его даже обдало облачком пара. Он упал, и прокатился по пахнувшей машинным маслом щебёнке, больно ободрав руки.

Не веря в то, что остался жив, вскочил, прихрамывая, помчался через пути к спасительным кустам акации. Попутно отметив длиннющий товарняк, приближающийся с противоположной стороны.

– Это мне на руку, пока он пройдёт, или остановится, преследователи на эту сторону путей не попадут, а я до речки добегу, – подумал Александр, неожиданно вспомнив свои прежние опасения: – «не хватало ещё ноги в тридцатых годах под колёсами оставить! Слава Богу, пронесло!

Продравшись через колючие кусты и преодолев узкую полоску ивняка, Сашка очутился на берегу реки. Не раздумывая, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу. Широкий плёс в этом месте делала плавный поворот. Александр плыл изо всех сил, устав, он перевернулся на спину и внимательно оглядел удаляющийся берег. Преследователей не было видно. На противоположной стороне, течением его прибило к плакучей иве, купающееся своими роскошными ветвями в водах реки. Он хотел было выйти на берег, но что-то заставило оглянуться. По берегу, откуда он только что приплыл, верхом на коне медленно ехал вокзальный милиционер, осматривая в бинокль округу.

Сашка затих, стараясь даже лёгким всплеском воды не выдать своё присутствие. Через листву он наблюдал, как Алябьев, заглядывая под каждый куст, осматривая в бинокль воду и противоположный берег, проехал мимо. Вскоре его белый шлем исчез среди кустов.

Саша не сразу решился выходить наверх, предполагая и тут встретить преследователей. Но потом, подумав, понял, что за такое короткое время, едва ли возможно организовать подобную погоню. Тем не менее, нужно было быстрее уходить от реки.

Выбравшись на крутой берег, прячась между кустами, прихрамывая, он отошёл довольно далеко и остановился передохнуть. Подвёрнутая во время прыжка нога, опухла во взёме и болела всё сильнее и сильнее.

– Да, далеко мне не уйти! Надо найти какую-нибудь ямку, затаиться и переждать.

Около часа он шёл, почти не останавливаясь. Наконец прибрежные заливные луга закончились, и он вошёл в сумрак соснового леса. Ковёр опавшей хвои пружинил под ногами. Слабые лучи закатного солнца, едва пробивались через пышные кроны вековых деревьев. Александр нашёл вывороченную бурей громадную сосну, под её мощные корни натаскал мелких веток и устроил некое ложе.

Стянул с себя мокрую одежду, всё тщательно выжал и развешал по кустам. Опухшая нога пульсировала нестерпимой болью.

– На перелом не похоже, – подумал он, – со сломанной ногой, столько бы, не прошёл. Скорее всего, вывих, – используя все свои медицинские знания решил Сашка. Надо попытаться вправить и туго перевязать.

Первая же попытка рукой пошевелить стопу, чуть не лишила его сознания. Оторвав от подкладки пиджака полосу, как мог, перетянул ногу.

Когда солнце спряталось за дальними сопками, он натянул на себя слегка влажную одежду и улёгся на пахучий лапник. Сон долго не шёл, в глубине тёмного леса чудились какие-то звуки, неясные голоса, птицы устраиваясь на ночь, перелетали с дерева на дерево. Но усталость взяла своё и он незаметно уснул.

Леший

Спал Сашка беспокойно, часто просыпался, вслушиваясь в темноту, до рези в глазах пытался определить даже малейшее движение в глубине леса. Измученный и больной он сумел уснуть только под утро, когда на востоке просветлело небо и стали видны в утреннем тумане спящие деревья.

Проснулся, как от толчка, ощутив какое-то движения поблизости. Сквозь приоткрытые ресницы, среди высокой травы, совсем рядом, он увидел крупного волка. Вероятно, хищник почувствовав, что человек проснулся, обнажил жёлтые клыки и зарычал! Иголочки страха пробежали по волосам и Сашкиной спине, он замер от ужаса!

Рядом, в изголовье возник лёгкий шорох и сверху послышался хриплый голос:

– Не бойтесь, он вас не тронет!

Обойдя вывороченные корни дерева, перед Александром возникла фигура рослого, бородатого мужчины, с пышной седой шевелюрой, одетого, как показалось Сашке, в какие-то лохмотья, с ружьём в руках. Очень похожий на Зверобоя из произведения Фенимора Купера

Александр попытался встать, но скривившись от боли, снова опустился на ветки.

– Что с вами? – спросил незнакомец, присаживаясь на корточки

– Что-то с ногой, – ответил Саша, – вероятно вывих.

– Можно посмотреть?

– Смотрите, – горько улыбнулся Александр, – за показ денег не беру.

Мужчина прислонил ружьё к корневищу и осторожно разматал повязку.

– Да, дела неважные! Сейчас посмотрим, – он осторожно ощупывал опухшую ногу, разговаривая сам с собой, – где ж ты так неудачно прыгнул? Вчера надо было в больницу идти, такого бы отёка не было. Ишь, как раздуло, култышка, а не нога! – встав на колени, мужчина на секунду задумался, обращаясь к Сашке, сказал – ухватись вон за тот сучок над головой, и маленько потерпи!

Пошарив рукой, Саша нащупал толстое корневище и, как муравей за соломинку, уцепился за него.

Незнакомец двумя руками поглаживал больную ногу, нащупывая что-то, и вдруг неожиданно и резко дёрнул, слегка повернув. Сашка взвыл от нестерпимой боли, в ноге что-то хрустнуло и боль начала проходить.

– Всё! – сказал незнакомец, вставая.

– До посёлка вы, конечно, не дойдёте, придётся пару денёчков пожить у меня. Поднимайтесь, собирайтесь и потихоньку пойдём.

С помощью мужчины, Александр натянул кед на больную ногу и поднялся.

– Не стесняйтесь, обопритесь на меня, – подбодрил незнакомец, – обнимите меня за плечо, попробуйте немножко наступать на больную ногу. Ну что, поковыляли?

И они действительно «поковыляли», Сашка, то слегка наступал на опухшую ногу, то скакал на одной, держась за мужчину.

Пёс, действительно похожий на волка, обнюхал Сашку и больше не выказывал агрессии. Он, по-видимому, зная дорогу, убежал далеко вперёд, а затем возвращался, появляясь неожиданно с разных сторон. За весь путь незнакомец не проронил ни слова.

Они спустились в неширокий распадок, вышли к полноводному ручью и двинулись его берегом вверх по течению. Вскоре распадок перешёл в ущелье, когда-то пробитое водой в скальных породах. Едва заметная тропинка петляла по берегу между стволов громадных елей и лиственниц. Наконец вышли на опушку леса, среди деревьев виднелось рубленное зимовье, постройка поменьше, – вероятно баня, рядом поленница дров.

Внутренне убранство жилища поражало простотой: – две широких лежанки вдоль стен, посредине стол из грубых досок, справа от входа печь из крупных гольшей, обмазанных глиной. На печи два закопчённых чугуна. На полке скромная кухонная посуда, чайники и кружки.

Помогая Александру укладываться на лежанку, незнакомец сказал:

– Сейчас согреем чай, перекусим, чем Бог послал, ногу попарим настоем из трав, а там видно будет!

Он сноровисто растопил печь, в зимовье запахло берёзовыми дровами и едой. Когда чайник закипел, выплёскивая на плиту шипящую воду, хозяин принес потемневшую от времени деревянную банную шайку и положил в неё пучок высушенной травы. Всё это заварил кипятком и накрыл тряпичей.

Присаживаясь к Сашке на лежанку, предложил, протягивая ладонь:

– Давайте познакомимся – Леонид! Для друзей и товарищей, просто – Леший!

– Александр, – представил Сашка, слегка стусевавшись, – а почему Леший?

– Мама, царствие небесное, ласково называла – меня Лёней, когда подрос, пацаны кликали – Лёхой. С войны вернулся, друзья, кто жив остался, величали – Лёшей, когда в лес ушёл, в шутку именовали – «Лёшей-Лешим», со временем осталось только – «Леший», что переросло в прозвище. Теперь все так зовут. Весной в магазин – факторию привезу пушнину, добытую за сезон, там даже в ведомости теперь пишут – Леший.

Сашка вспомнил, что именно этим мифическим духом, хозяином леса, показался ему незнакомец при первой встрече в тайге.

Рассказывая свою историю, Леший перенёс парящую шайку к Сашкиной лежанке:

– Так, давайте поднимайтесь, садитесь, больную ногу тихонечко опускайте в шайку. Так, хорошо! Горячо? Надо потерпеть, сейчас кожа привыкнет. Сидите, отдыхайте. Я сейчас кушать приготовлю, вы вероятно голодны?

У Сашки от сытного запаха, доносящегося от печи, кружилась голова, он не произвольно слглатывал слюну.

– Честно признаюсь, со вчерашнего обеда во рту росинки не было.

Когда живописные лохмотья охотника, похожие на засохшие корни деревьев и извивающиеся стебли растений, служившие маскировкой, были сняты, перед Александром предстал высокий, хорошо сложенный мужчина, с правильными, несколько восточными чертами лица, пышной шевелюрой и седой бородой. На вид, ему можно было дать лет шестьдесят.

– Вода ещё не остыла? – спросил Леший, – сейчас помогу вам придвинуться к столу и будем кушать. Ногу можете не вынимать из шайки.

Он помог Сашке уместиться за столом, поставил перед ним деревянную миску с аппетитно пахнущим варевом и подал деревянную красиво расписанную ложку. Поставил себе такую же миску, перекрестился на тёмные образа в углу и сел напротив.

– Приглашаю, откушаем, что бог послал! Хлеба не будет, он у нас редкий продукт, изредка сам пеку, иногда из Павловки привожу.

– Поймав ложкой приличный кусок мяса, Саша поинтересовался:

– Скотину держите? Или кроликов?

– Охотник в тайге живёт с леса – что подстрелил, поймал, собрал, то ем сам, и собаке перепадает. Кролик, которого мы едим, вчера вечером был зайчишкой, попавшим в петлю.

После еды хозяин ходил к ручью, помыл посуду, покормил собаку. Вернувшись, взяв ружьё, Леший сказал:

– У меня на ближнем озере два дня «мордушки – плетёнки» стоят, утром собрался пойти проверить, да Полкан, как только вышли, потянул в распадок, далеко вас учуял. На зверя натаскан, без нужды не лает, так и подошли незаметно к месту, где вы спали. Сейчас пойду на озеро, снасть проверю, ушицы к вечеру сварим. А вы поспите!

Оставшись один, Сашка долго ворочался на жёстком топчане, прислушиваясь к звукам на улице, и незаметно уснул.

Проснулся от звука открываемой двери, – вернулся Леший:

– Жив, здоров! – бодро поинтересовался он, – боль-то прошла, полегче стало?

– Легче, почти не болит.

– Вот и хорошо! Воду согреем, попарим больную ногу. Печь топить не будем, жарко спать ночью, на таганке согреем.

Сашка слышал, как он ходил, гремел ведром, о чём-то разговаривал с Полканом.

Когда вода согрелась и трава запарилась, Леший помог Александру выбраться наружу, усадил его на чурбак, заставил опустить ногу в шайку. Сашка огляделся, солнце уже наполовину спряталось за ближайшей сопкой, от ручья потянуло прохладой.

– Наверное, я долго спал?

– Прилично, – ответил Леший, продолжая чистить пойманных карасей, – да и я прилично задержался, улов был неплохой, собрался было возвращаться, смотрю, от реки в сторону зимовья, два всадника направляются. Пришлось выйти на дорогу, да подождать. Подъехали, один наш участковый милиционер, второго не знаю, чувствуется не наш – в седле «охлюпкой» сидит, не наездник, хотя и военный. У нас в посёлке два милиционера – один на станции – линейного отдела, а другой – участковый, в посёлке. Участковый спрашивает:

– Чужих не встречал?

– Не встречал, – отвечаю. – А что стряслось?

– У линейной милиции вчера какой-то опасный преступник сбежал. Шустрым оказался, – сбил с ног сотрудника госбезопасности, перед самым поездом перепрыгнул через пути, и след простыл! Вероятно, это был японский шпион, натренированный, знающий приёмы борьбы, умеющий быстро плавать. Он скрылся за рекой.

Постоял я с этими людьми, поговорили, они рассказали приметы беглеца и ускакали, я направился домой.

Сашка замер ожидая, что будет дальше, но Леший молчал, продолжая распаривать брюхо ещё живому карасю.

Ужинали у костра, когда на небе уже засверкали первые звёзды. Искры от костра сверкающими светлячками поднимались к темному небу, и казалось, смешивались в его бескрайней синеве с далёкими, блестящими звёздочками.

За ужином, возвращаясь к незаконченному разговору, Леший напрямую спросил:

– Это вас искали?

– Да меня, – просто ответил Александр.

– Я в такие дела не лезу. Посчитаете нужным, расскажете потом, как дело было. И не беспокойтесь, если кто поблизости появится, Полкан сразу подаст знак.

На заимке Лешего Александр прожил, без малого месяц, они подружились. Опухоль на ноге проходила медленно, даже через неделю, Сашка с трудом становился на больную ногу. Леший научил его плести из ивовых прутьев «морды», такие интересно сконструированные

корзины, в которые рыба, чувствуя пищу, с радостью заходила, но потом, никак не могла выбраться на волю.

С вечера, заготовив необходимое количество ивовых прутьев для работы, Леший уходил в тайгу по своим охотничьим делам, а Сашка оставался «на хозяйстве», плёл «мордушки», которые ещё назывались «вентерями», готовил к возвращению Лешего еду, по субботам топил баньку.

Когда боль в ноге понемножку утихла, Сашка приноровился в горной речушке, протекающей по распадку, ловить пугливых хариусов.

Леший похвалил квартиранта за такую самостоятельность:

– Для таёжника лето и ранняя осень, в вопросах питания, не самое лучшее время. Вроде всё есть – и ягода лесная поспела, и грибы под каждым кустом, и какие ни есть, съедобные корешки выросли в земле. Но мяса, главного продукта охотника, маловато. Дичь подрастает, перелётная птица ещё не устремилась на юг, а в местных утках, мяса – с кулачёр. Но самое главное – добычу негде хранить. На дворе жарко! И всё подстреленное надо съесть в этот же день. Или вялить, солить, коптить, на что просто нет времени. С рыбой проще – она всё время есть, не в этой заводи, так, в следующей. Поймал, почистил и в уху!

Со временем, Леший стал брать Александр в свои дальние походы. Как охотник-промысловик, занимающийся заготовкой пушнины, он имел свои закреплённые охотничьи угодья. Громадный участок тайги, обойти который можно было, вероятно, за несколько недель.

В разных местах участка, имелись построенные ещё прадедами, землянки, как Леший их называл – «зимовники», с простенькой печуркой из камней, лежанкой, запасом дров, круп и соли. Где уставший за день охотник мог найти тепло и приют. Ремонт зимовок, засидок и лабазов, Леший занимался ежегодно, в последние тёплые дни осени, в чём ему, в этот раз, охотно помогал Сашка.

Уходили от своего зимовья на несколько дней. Валили сухостой, пилили и кололи дрова, ремонтировали землянки, приводили в порядок лобазы – крепко срубленные из брёвен хранилища для припасов, поднятые для защиты от диких зверей, над землёй. Куда, с первыми морозами, Леший, на нанятой лошади, должен будет завезти всё необходимое.

У Лешего в посёлке Павловка был хороший дом, в котором он бывал крайне редко, родных и близких, как понял Сашка, у нового товарища не было. Иногда по своим делам Леший уходил в посёлок и оставался там, на пару дней, возвращаясь с покупками.

Через несколько дней после появления Александра, возвратившись из посёлка, Леший рассказал, что там произошли большие перемены. Милиционера линейного отдела милиции на транспорте, после побега японского шпиона, вместе со старшим лейтенантом государственной безопасности, допустившим побег, следующим утром увезли, прибывшие сотрудники областного НКВД.

Работая в тайге, мужчины сдружились и давно перешли на «ты». К событиям на вокзале, связанным с появлением Сашки, больше не возвращались.

Однажды, под вечер, когда не по-осеннему жаркое солнце, клонилось к горной гряде на западе, друзья добрались до очередного зимовника. Осталось только спуститься в уже наполненный сумерками глубокий распадок.

– Давай отдохнём, – предложил Леший, садясь на ствол поваленной сосны, – что-то я притомился!

Александр опустился рядом.

С вершины открывался прекрасный вид. Прямо под ногами, по склону сопки, высились разлапистые кедры, у подножия их сменяли ели и сосны. Зелёное таёжное море, в лучах заходящего солнца, убегало дальше к заливным лугам, простирающимся до следующей таёжной гряды. Там, далеко, в дымке наступающего вечера, из стены однообразных покрытых зеленью

сопок, далеко в луга, выступала громада одинокой скалы, будто пытавшейся побыстрее убежать от своих безликих сестёр.

Сашка узнал знакомую скалу и сказал:

– Какая странная и угрюмая скала. Где она находится? Рядом с посёлком?

– Да, ты её видел, но только с противоположной стороны – от станции. В ней угольная шахта, а рядом мост через реку.

– Ты веришь в чудеса? – спросил Сашка друга.

– А ты? – удивлённо спросил Леший.

– Я расскажу тебе одну историю, – продолжил Александр, – не подумай, что я вру. И не прими меня за сумасшедшего!

– Интересно, – улыбнулся Леший, – слушаю!

Александр рассказал всю историю своего появления на железнодорожной станции Павловка. Начиная с детства, друга Мишки, рыбалки, старика паромщика «деда Боги», скалы с древними рисунками, пещеры со ступенями, оставленного староверами храма, странного свечения под куполом церкви, блуждания в темных лабиринтах засыпанной шахты.

Леший внимательно слушал его рассказ. Сашка вспомнил своё чудесное спасение из-под завалов и ночь на берегу реки в стоге сена. Паровоз, выползающий из ещё вчера заваленной шахты, милиционера на коне, своё утреннее появление на станции, исчезновение Мишки, первый допрос, и понимание того, что он очутился в другом времени. Рассказал о строгом сотруднике госбезопасности, о свирепом милиционере, о своём спасении и побеге в тайгу.

Долго сидели молча, думая каждый о своём.

– У тебя есть семья, дети? – наконец спросил Леший.

– Был женат, семейная жизнь не сложилась, детей не нажили, возможно, это и стало причиной развода. Сейчас я, как говорят, в поиске!

– Расскажи о своей жизни, – попросил Леший.

– Родился в здешних краях, через три года после окончания войны. Все мои родственники проживали и сейчас живут на соседней узловой станции. Дед работал машинистом паровоза, участвовал в строительстве Кругобайкальской железной дороги, участник Гражданской войны. На станции Мысовая, был приговорен белочехами к расстрелу за саботаж, но расстрел по какой-то причине был отложен, и его освободили ворвавшиеся на станцию красноармейцы. Отец дошёл почти до Берлина в Великой отечественной войне. И до сих пор трудится в железнодорожных мастерских. Старший брат отца – Степан, работал шофёром, был призван в армию вместе с автомобилем и погиб в июле тридцать восьмого года в боях с японцами у озера Хасан. Я видел его только на фотографии в старых документах

– Как говоришь твоя фамилия? – с интересом спросил Леший.

– Карпов, – запнувшись на первом букве, удивлённо ответил Сашка.

– Я, наверное, знаю твоего деда, – невысокого роста, крепкий, с бородкой, ходит прихрамывая?

– Я его не видел, – ответил Александр, – он был на фронте, водил поезда по ледовому мосту через Неву в Ленинград, и погиб под бомбёжкой. Про ту войну я тебе потом расскажу, она длилась четыре долгих года.

Некоторое время сидели молча:

– Я окончил школу, институт, – продолжил Сашка, – живу в городе Братске, которого в ваше время ещё не было. Работаю на железной дороге.

– Ты христианин? – неожиданно спросил Леший.

– Не знаю, предки были верующими, помню, папина бабушка Тая, часто вечерами зажигала свечку и молилась перед образами. В Советском Союзе не приветствуются верующие. Вероятно, многие в душе верят, но стараются это не афишировать. Я материалист, но когда стараюсь понять, как и из чего возник мир, в котором мы живём, прихожу к мысли, что суще-

ствует некто всемогущий и умный. Я бы сказал, – «Вселенский разум»! Создавший космос, солнечную систему, планеты, Землю, моря, реки, горы. И наконец, самого человека! Иначе откуда бы всё это взялось?

Есаул Леонид Краснощёков

Медный диск заходящего солнца в багровом зареве коснулся дальней горной гряды. От ближайших таёжных сопок поползли на луговину причудливые тени. Собеседники вновь надолго замолчали.

– У казаков, христианская вера в Бога, это основа всей жизни! – прервал молчание Леший, – нас, – казачат, в детстве крестили, и родители в праздники брали с собой в храм. Я бы никогда не поверил в то, что ты явился из будущей жизни, но названное тобой имя, заставляет задумать. У меня есть хороший, старый друг, мы вместе росли, учились, воевали, встречаемся и по сей день, это Петр Богатов. Сызмальства, с той самой поры, когда мы вместе с ватагой друзей гоняли коней в ночное, все звали его Богой. Теперь он стал уже «дедой Богой», мы почти ровесники. Поэтому, я хочу познакомить тебе с другой, не менее интересной историей о себе, и вон о той скале, с непонятными рисунками.

Шумная стайка спешащих к ночлегу птиц мелькнула над головами:

– Вот так и наша жизнь, промчалась, промелькнула, как один день, оставив воспоминания о радостях и печалях, – горько усмехнулся Леший, – я родился в семье казачьего офицера. Мои предки пришли на эти земли с воеводой Василием Сукиным, и обосновали на месте бывшей столицы Сибирского ханства город Тюмень. Участвовали в строительстве Томска, основали Енисейск. С казаками Петра Бекетова осваивали Прибайкалье, заложили Якутск. Позже прадед вернулся в Сибирь и обосновался в здешних местах. Казаки всегда стремились иметь своих собственных, казачьих офицеров. После учёбы в Омском кадетском корпусе, я продолжил учёбу в Оренбургском казачьем училище, в 1900 году был выпущен в чине хорунжего и направлен в Забайкалье. В составе Забайкальской казачьей дивизии, участвовал в Русско-японской войне. Офицером Первой отдельной Забайкальской бригады, воевал на фронтах первой мировой войны. В семнадцатом году деморализованная русская армия, устав воевать, оставляла фронт. Солдаты беспорядочно разбежались, бросая оружие. Забайкальские казаки тоже не стали держать фронт, но даже в этом хаосе оставались управляемыми воинскими подразделениями. Они не стихийно бросали позиции, а снимались целыми подразделениями, не оставляя обоз и артиллерию. Это были люди, связанные многолетней дружбой, родственными связями и землячеством. Кроме того, у каждого был боевой конь, лучший конь в табуне, красивый, выносливый, быстрый, который не раз уносил от преследователей, вражеских пуль и смерти. Его нельзя было бросить! Пробираться в одиночку, на другой конец страны, в такое смутное время, даже на коне, было бессмысленно. На казачьем круге было решено возвращаться в родную станицу слаженной боевой единицей. Самое трудное в этом деле, – заполнить эшелон. Во главе полков стояли не «отцы-командиры», а избранные полковым собранием комитеты, которые правдами и неправдами выбивали эшелон, а затем в каждом губернском городе организовывали пищевое довольствие для казаков и фураж для лошадей. Меня, – есаула Леонида Краснощёкова избрали председателем полкового комитета. – Помолчал, охотник

продолжил, – через несколько месяцев прибыв в Забайкалье, сдав в арсеналы тяжёлое вооружение, казаки разбрелись по домам, прихватив с собой проверенные в боях кавалерийские карабины. Я тоже вернулся к семье, в родную станицу, в отчий дом.

Какие-то приятные воспоминания, как лучик света, на мгновение осветили лицо Лешего, и он продолжил:

– Свою будущую жену, казачку из нашей станицы, я присмотрел, ещё будучи кадетом старших классов, приезжая летом на каникулы. Свадьба состоялась сразу после выпуска из Оренбургского училища. Вскоре молодожёны отправились к новому месту службы. В Забайкалье на свет появились дети, – сын Егор и дочка Мария. Первая Мировая война разделила семью – я отправился на фронт, Татьяна – так зовут жену, с детьми, уехала к моим родителям, в родную станицу. В стране творилась полная неразбериха. Власть в городах по нескольку раз переходит от представителей одних политических движений к другим. В конце семнадцатого года власть в Томске оказалась в руках большевиков. Тайная офицерская организация, опираясь на недовольство населения новой властью, используя выступление корпуса пленных чехословаков, эшелоны которой растянулись по Транссибу, в мае следующего года свергла большевиков. Я примкнул к восставшим, вступил в корпус Пепеляева,двигающийся по железной дороге на восток, освобождая города от большевиков. Осенью власть в Сибири перешла к правительству Колчака. К августу восемнадцатого года, освободив Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, корпус Пепеляева на станции Оловянная соединился с Забайкальскими казаками атамана Семёнова. Среди которых было много моих бывших сослуживцев и однополчан. Осенью восемнадцатого года корпус Пепеляева перебросили на Урал.

Солнце уже скрылось за зубчатой линией горизонта, оставив окрашенный багровым светом небосклон.

– Пойдём к зимовью, вечереет, надо подумать о ночлеге. Расположимся, разожжем костёр, подготовим подстреленных чирков и продолжим разговор, – предложил Леший.

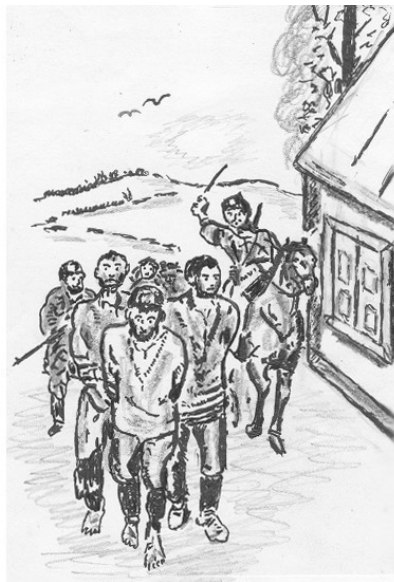
Они спустились к зимовью, Александр разжёл костёр, Леший занялся подстреленными по дороге чирками. Вскоре нехитрый ужин был готов. Потягивая из кружки обжигающе горячий чай, заваренный на бруснике, продолжили разговор:

– У меня есть, а может «был», младший брат Василий, – глядя на танцующие языки пламени, подбирая каждое слово начал Леший, – он младше на шестнадцать лет. Родившись в семье казачьего офицера, он, тем не менее, не видел себя военным, его никогда не тянуло к оружию. Он уклонялся от обязательной программы обучения казачьих детей военным наукам. К тому же, Василий был слаб здоровьем и часто болел. Но с малолетства его тянуло к лошадям, он помогал ухаживать за жеребятами, лечить и обучать их. Отец определили Василия в Казанский ветеринарный институт. Где он приобщился к революционным идеям, широко распространённым в то время в студенческой среде. Как я случайно узнал, в революционных событиях брат, учась на выпускном курсе, примкнул к большевикам. Моя служба в Забайкалье, мировая война, февральская и октябрьские революции, гражданская война, раскидала родственников по просторам России. Мы не виделись с братом многие годы.

Яркие искры от костра взмывали вверх и таяли там, в бездонной пустоте неба. Какое-то время сидели молча, собравшись с мыслями, Леший продолжил:

– Иногда вспоминая о нём, я думал, что не узнаю брата, неожиданно встретив, где-нибудь на улице. 25 декабря восемнадцатого года войска Пепеляева заняли оставленную большевиками Пермь. Было взято в плен около двадцати тысяч человек. По приказу Пепеляева, рядовые красноармейцы были отпущены по домам. С командным составом разбиралась специально созданная комиссия. Как-то проезжая верхом мимо старинного здания занятого под штаб, я обратил внимание на небольшую группу пленных, которых, под усиленной охраной, собирались куда-то конвоировать. И поинтересовался у одного из часовых, кто эти люди? Мне ответили, что это красные командиры, приговорённые комиссией к расстрелу. Посмотрев

на измождённые лица этих людей, в одном из перевязанных окровавленными бинтами пленнике, я узнал своего брата. Он тоже узнал меня и отвернулся. Я подумал, что обознался, объехав группу с другой стороны, встретился глазами с этим человеком, он вновь отвернулся, и я понял, что это Василий!

Последовала команда, осуждённые, подгоняемые конвоирами с примкнутыми штыками, тронулись по улице. К этому времени я уже был полковником, с Анатолием Николаевичем Пепеляевым нас связывали дружеские отношения, мы оба окончили Омский кадетский корпус. Я поспешил к командующему. Пепеляев находился, в только что занятом кабинете, кругом лежали папки с документами, сновали адъютанты, связисты тянули провода телефонов. Командующий был в прекрасном настроении, поздоровавшись, расспросил о полковых делах, поинтересовался размещением в городе, боевым охранением и количеством потерь. Я ответил, что потерь практически нет, расквартировались на окраине, охранение организовано. Анатолий Николаевич удивился, что красные сдали город почти без боя и никакого организованного сопротивления не оказали. Я, поддержав разговор, сказал, что сейчас видел на дворе группу красных командиров приговорённых к расстрелу. Эти люди производят жалкое впечатление, они деморализованы, испуганы, и не удивительно, что такие «полководцы» не смогли должным образом организовать оборону города. Больше бы таких руководителей и нам воевать было бы не нужно – сами разбегутся! Командующий задумался и ответил, что согласен со мной. Тут же приказав адъютанту вернуть осуждённых к штабу. Я с замиранием сердца ждал возвращения офицера, опасаясь услышать, что приговор уже приведён в исполнение. Тот достаточно долго не возвращался, а вернувшись, доложив, что догнал расстрельную команду почти на месте казни, в заброшенном карьере, в настоящее время красноармейцы построены во дворе. Командующий попросил меня с казаками охраны, сопроводить помилованных за пределы города, дабы наши бойцы не перебили их в шаге от свободы. Печальная процессия двинулась по пустынным улицам города. Пленные не понимали, почему их вернули и куда ведут сейчас. Казаки, сопровождавшие меня, получив приказ конвоировать осуждённых, предполагали, что им придётся участвовать в расстреле этих людей. Поэтому никто не торопился, и казаки и пленные старались протянуть время. За весь путь, Василий единственный раз оглянулся, и мы встретились глазами. Когда окраины города остались позади, колонна остановилась, люди стояли, понуро опустив головы в ожидании смерти. Обратившись к ним, я сказал, что дальнейшее сопротивление большевиков бессмысленно, они не имеют необходимых сил,

знаний и поддержки народа. О чём красноречиво говорит бездарно организованная оборона города. Напомнил, что в этот день, сто двадцать восемь лет назад, великий полководец Суворов штурмом взял крепость Измаил. В ознаменование этой даты, командующий, данной ему властью, отпускает их по домам, и надеется, что они больше никогда не возьмут в руки оружие. Пленные стояли, молча, не веря в своё спасение, и не пытались уйти, предполагая, что могут быть порублены казаками. Я, приказав конвою доставить Василия в расположение полка, вернулся в штаб, казаки поехали в сторону города, освобождённые исчезли в надвигающихся сумерках.

– Пойдём Саша спать ложиться! – предложил Леший, поднимаясь с бревна, заменяющего скамью, – утро, вечера мудренее!

Убрав посуду, притушив костёр, в темноте зимовья, расположились на топчане. Лёжа на спине, положив руки за голову, глядя на квадратик освещённого лунным светом оконца, Леший тихонько продолжил разговор:

– К моему возвращению в полк, Василий, перевязанный свежими бинтами, сидел в маленькой комнате под охраной часового. Я приказал привести его в помещение, выделенное для командира полка. После того, как часовой закрыл за собой дверь, брат уткнулся лицом в мою грудь и заплакал. Я обнял Василия, он судорожно всхлипывал, вздрагивая всем телом, пытаюсь что-то сказать. И показался, в этот момент, мне тем маленьким, беззащитным мальчуганом, который не раз, обиженный другими пацанами, прибежал ко мне, прося защиты. Ординарец принёс ужин, я с жалостью смотрел, как он жадно ел кашу, запивая сладким чаем. Василий рассказывал, что диплом об окончании ветеринарного института, выпускникам выдали без обязательных экзаменов. В институт пришёл агитатор большевистской партии, многие из друзей записались в Красную армию, и он последовал их примеру. Как попал в командиры? Почти все бывшие студенты-ветеринары, были назначены командирами, так как, владели грамотой и могли читать документы. В настоящих сражениях поучаствовать не удалось. Красная армия, потерпев поражение на реке Чусовая, отступала, сдав Кунгур, без боя оставила Пермь, куда накануне были переброшена часть, где служили бывшие студенты. Все попали в плен. Вчера была осуждена и расстреляна первая группа красных командиров, там были его друзья. Вася спрашивал о своём любимом жеребце Гнедке – лучшем в табуне. Я отвечал, что сам давно не был дома и не знаю, как там дела. Утром следующего дня, мне удалось пристроить Василия в санитарный поезд, идущий в Омск, со справкой, о том, что он направлен после тяжёлой контузии для лечения по месту проживания. Расставаясь, я взял с Василия клятву, что он больше не будет ввязываться в войну, и на него возлагаются все заботы о престарелых родителях, моей семье, и хозяйстве.

Леший замолчал, прислушиваясь:

– Ты спишь?

– Нет, я не сплю! Всё, что ты рассказываешь, очень интересно! Продолжай, я слушаю!

– Последующие события показали, что удача отвернулась от Белой армии. Летом девятнадцатого года, Колчаком был организован Восточный фронт, но отступление Белой армии было предпринято. В ноябре без боя был оставлен Омск, и началось повальное бегство Колчаковской армии по Транссибу на восток. Мой полк, после неудач под Красноярском, двинулся в составе колонны генерала Каппеля на север по Енисею. Поход проходил в жуткую стужу, по совершенно необжитым районам, в отсутствии централизованного снабжения, ведя постоянные боевые действия с преследующими нас партизанскими отрядами. Потеряв в этом Сибирском Ледяном походе две трети личного состава, колонна измученных и обмороженных людей, перейдя по льду замёрзший Байкал, в районе станции Мысовая, в начале марта двадцатого года прибыла в Читу. Наш путь пролегал далеко от моих родных мест, поэтому встретиться с семьёй, в тот раз, так и не удалось. Прибывшие части были подчинены атаману Семёнову. Узнав, что он тесно сотрудничает с японцами, я, с остатками своего полка, вслед

за Пепеляевым, ушёл в Харбин. По-разному складывались судьбы эмигрантов, приходилось работать извозчиками, грузчиками, плотниками, рабочими рыболовецкой артели. Когда летом двадцать второго года во Владивостоке произошла смена власти, в результате чего «правителем Приморья» стал генерал Дитерихс, сослуживец Пепеляева по Сибири, многие эмигранты, устав от безнадёжности и нищеты, присоединились к создаваемой Пепеляевым «Милиции Татарского пролива», имеющей целью захват Якутска. При переезде из Харбина во Владивосток, я тяжело заболел, попал в госпиталь и не смог участвовать в этом мероприятии. После освобождения Владивостока от японцев в конце октября двадцать второго года, я под чужими документами, направляясь в родную станицу, был арестован в Иркутске, опознан и приговорён к расстрелу. Позже, после очередной амнистии, смертная казнь была заменена семью годами лагерей. Домой добрался лишь в январе тридцатого года.

Леший поднялся с топчана, слышно было, как он стучал крышкой чайника и, булькая, пил. Наклонившись, глянул в оконце, что-то ответил завозившемуся на крыльце Полкану. Вновь улёгся на заскрипевший топчан и удивлённо сказал, вероятно, желая проверить, не спит ли Александр:

– Ты глянь, Луна как прожектор, хоть читай!

– Это точно, – согласился Сашка, – полнолуние!

– Так вот, – продолжил рассказ Леший, – приехал в станицу, под удивлёнными взглядами оставшихся соседей нашёл свой дом, с замиранием сердца открыл калитку – дверь хаты забита, стёкла выбиты, двор пустой, ни родителей-стариков, ни брата, ни жены, ни детей. Пусто! Кругом разруха и тлен! Позже соседи рассказали, что мой отец, стараясь прокормить семью, по старой привычке, подолгу охотился в тайге. И бывало, неплохо охотился, снабжая мясом не только свою семью, но и помогая оставшимся без кормильцев соседям. В лютые крещенские морозы, заночевал в холодном зимовье, простыл и вскоре умер, мама дождалась отправленного мной Василия, но весной девятнадцатого года тоже скончалась от воспаления лёгких. В опустевшем доме остался Василий и моя семья. Части Красной армии, наступающие, следом за отходящими колчаковцами и мятежными чехословаками, остро нуждаясь в провианте, фураже и конях, подчищали последнее у жителей населённых пунктов вдоль Транссибирской железной дороги. В станице то и дело появлялись тыловые фуражиры, ветеринары, и заготовители продовольствия. Однажды на станцию прибыл паровоз с тремя вагонами. Приехавшие тыловики, бодро обходили заранее помеченных в бумагах двory казаков, без разговоров забирая всех коней. Не слушая стоны и причитания многодетных казачек, о том, что по весне, им не на чем будет пахать землю. Василий за сараями колол дрова и поздно услышал шум в ограде. Когда он прибежал во двор, его любимого Гнедка, мужик с красной лентой на чёрной папаше, уже выводил за ворота. Завязалась потасовка, пришедших было двое, Василий получил мощный удар в челюсть и покатился по земле. Приехавшие реквизиторы, посчитав инцидент оконченным, продолжили движение. Васька вернулся домой, снял со стены отцовскую шашку, догнал их на улице и зарубил обоих. Это послужило сигналом для соседей-казаков, поднялась стрельба, не ожидавшие такого сопротивления тыловики, в панике вернулись на станцию и укатили туда, откуда приехали. Станичники помоложе скидали свой скарб в телеги, с жёнами и детьми умчались в спасительную тайгу. Ближе к вечеру, на путях остановился тот же самый состав, с которого на землю горохом ссыпались моряки в чёрных бушлатах, обвешанные оружием. В станице вновь вспыхнула стрельба. Василий с моей семьёй, отходил одними из последних, он так и не поймал испуганного стрельбой, убежавшего Гнедка. Держа детей за руки, Василий и Татьяна едва успели перебежать мост, ведущий в шахту, как сзади на дощатый настил выскочили несколько краснофлотцев, ведущих беспорядочную стрельбу по убежавшим. Шахта уже многие месяцы не работала, и тяжёлые створки ворот были закрыты. Василий смог приоткрыть одну из них, и беглецы прошмыгнули вовнутрь. Подбежавшие моряки открыли двери настезь, зашли в шахту, и до сумерек пытались найти там убежавших. Но так никого и не обнару-

жили. Василия, Татьяну и детей, больше никто не видел. Позже, проведённые жителями поиски в шахте, тоже ничего не дали. Моя жена, дети и брат исчезли! Когда я вернулся из заключения шахта, вновь работала, там трудились староверы, живущие на северном склоне горы, на берегу таёжной речки. Но однажды, за одну ночь они исчезли, оставили всё, – скарб, скотину, жилища, забрав только свои святыни и иконы. Говорили, что где-то в горе у них был храм, где они тайно молились. На шахте работал мой сосед, он рассказал, что в одной из боковых штолен появились приезжие, они живут в скале, и не общаются с местными. Уголь там не добывают, но регулярно вывозят в отвал скальную породу. Посторонним, вход в штольню запрещён. Вероятно, чужаки обнаружили тайную церковь и староверы ушли. Другие говорили, что их убили лихие люди из приезжих, прибывшие областные следователи ничего не обнаружили. Сейчас уголь добывают в старых штреках и вывозят раз в день, рабочие, набранные со стороны. Разношёрстная, криминальная публика. Ночью шахта не работает, вход в ночное время охраняют часовые из числа солдат живущих в секретной штольне. Иногда из глубины горы слышен непонятный шум. Я даже не пытался попасть туда, чтобы разыскать хотя бы следы своих родных. С моим послужным списком подобная неудачная попытка могла закончиться новым сроком, а вернее расстрелом.

Отец Иоанн

Утром следующего дня Сашка проснулся от запаха подогреваемой пищи. В крохотном оконце едва брезжил рассвет, уютно потрескивали дрова, на плите что-то варилось. На улице слышались шаги, пригнувшись в проёме двери, с чайником воды в руке протиснулся Леший. В зимовье сразу стало тесно:

– Ну что, проснулся? Как спалось? Сейчас чайку вскипятим и можно завтракать! Дел сегодня много, да и дорога впереди немалая.

За завтраком Александр спросил своего товарища:

– Леший, у тебя казацкие корни и ты, я думаю, прекрасный наездник. Почему же у тебя нет коня, и все свои дела ты осуществляешь пешком? С конём-то быстрее и веселее.

– Что тебе Сашка ответить? Семьи у меня, как ты теперь знаешь, нет. Дома и хозяйства считай, тоже нет, большую часть года живу в тайге. В тайге с конём хлопотно, надо сена заготовить, конюшню, какую ни есть, построить. Зимой, при наших снегах, по тайге коню трудно передвигаться, сподручнее на лыжах ходить. А конь у меня есть, добрый конь, ты его скоро увидишь! Теперь давай за работу, дровишек заготовим на зиму, зимовье подправим, вон один угол просел, трубу печки почистим – утром еле растопил. Перекусим в обед и двинемся дальше.

После обеда, Леший скрылся в кустах за зимовьем и вернулся, держа в руках коротенький кавалерийский карабин и подсумок на широком ремне.

– Надеюсь, ты умеешь стрелять, или в вашем времени уже нет оружия?

– Я служил в армии, но у нас такое оружие теперь только в музее, – ответил Сашка, привычно передёргивая затвор. Драгунская винтовка, – продолжил он, и прочитал маркировку – «Императорский тульский оружейный завод 1905 года».

В подсумке оказалось три обоймы по пять патронов.

– Здесь территория моих угодий заканчивается. Пару дней придётся идти по непроходимой тайге. Там всякое может случиться, без оружия никак нельзя, – пояснил Леший, – демонстрируя, как правильно вставляется обойма.

Два дня они шли по дремучей тайге, питаясь тем, что подстрелили, останавливаясь на ночёвку там, где их застигла ночь. На первой ночёвке, Леший спросил:

– Ты помнишь наш предыдущий разговор? Почему я так много рассказал о себе? Просто, поверил тебе, в наших историях есть много общего – я потерял семью, ты потерял родных, мир, в котором вырос и жил. Удивительным образом наши судьбы сходятся в одном месте, на той самой загадочной скале за речкой. Там пропали мои родные и там же, в нашем мире появился ты. Господь свёл нас и это знак!

С непривычно дальней дороги, ноги Саньки гудели, как телеграфные столбы в поле. На костре, плевался паром их закопчённый чайник, на землю опускалась тёмная ночь. Безразличная, бледная Луна поднялась над сопками.

– Скажи, – продолжил разговор Леший, – ты хочешь вернуться назад?

– Да, – без раздумий ответил Сашка, – хочу!

– Через верных людей я узнал, что община староверов, якобы, ушла в другое историческое время, но один из священнослужителей почему-то остался в нашем времени. Живёт вблизи Северного полярного круга, на загадочном плато Путорана. Каждой весной поднимается по Енисею и Ангаре, встречаясь с живущими там единоверцами, проводя богослужения и прочие обряды, а по осени возвращается назад на север. Считается у старообрядцев уважаемым, святым человеком. Говорят, что он каким-то образом общается со своими ушедшими в другое время земляками. Я хотел бы его спросить, может быть, он что-то знает о судьбе моих родных и существует ли возможность мне соединиться с ними?

– Как же мы узнаем, где он? – усомнился Сашка, – Енисей и Ангара это тебе не ручеёк, который можно за день пробежать от истока до устья!

– Я примерно знаю, в каких сёлах он останавливался два прошлых года. На днях мы выйдем к таёжному поселению местных старообрядцев. Там живёт мой сослуживец, мы прошли с ним через многие события и вернулись из лагеря вместе. Он конезаводчик, в его стаде и гуляет мой, подаренный им же, любимый конь. День, другой отдохнём, и поедем на один из притоков Ангары. Где, если Бог даст, встретим отца Иоанна. Кстати, ты на лошади ездить умеешь?

– Наверное, нет, – ответил Сашка, – по крайней мере, я не пробовал.

– Придётся учиться по ходу дела.

Леший хорошо знал дорогу, и на третий день пути они вышли к небольшому поселению. В широком распадке, на красивом берегу таёжной реки, расположились десятка три, хороших, рубленых дома, с дворовыми постройками, колодцами и большими огородами. Посредине поселка на холме возвышалась скромная деревянная церковь.

– Мой друг, как он сам себя называет, «старообрядец», – сказал Леший, – человек глубокой веры, особых нравов, обычаев и обрядов. Я не могу рассказать обо всех правилах, ограничениях и запретах. Для начала запомни: – в избы этих жителей, без приглашения заходить не надо, кушать и пить можно только из той посуды, которую тебе подадут, из колодезного ведра пить категорически запрещено! В храм тоже лучше не заходить, им это не нравится. Веди себя скромно и на молодых девушек лучше не «таращиться». Моего друга зовут Николай.

Николай оказался крепким, бородатым мужчиной, спокойным и не особо разговорчивым. Друзей разместили в гостевом флигеле. Помыться после дальней дороги пришлось на реке – благо вода была ещё не холодной. Большую часть времени Леший обучал Сашку верховой езде. Ему определили рыжую, флегматичную кобылу по кличке Анджела. Леший красовался на своём серебристо-буланом Янтаре. Вечерами, они бродили по берегу реки, наблюдая, как ребяташки с мостков ловят мелких чебаков и окунишек.

Однажды на закате, гуляя по берегу, они встретили двух, пожилых, явно не местных, мужчин. Один, плотный и низкорослый, с раскосыми глазами, походил на якута, второй, высокий и худой, был, вероятно, европейцем. На плече якута Сашка заметил ружьё, похожее на трёхлинейку.

Не ожидая такой встречи, незнакомцы поспешно скрылись в кустах. Полкан, бегающий по берегу позади друзей, выбежал вперёд и глухо зарычал.

– Что это они так испугались? – удивился Сашка.

– Наверное, есть причина, – ответил Леший, – иначе бы не прятались.

За ужином во флигеле он спросил Александра:

– Ты видел на плече якута дробовик?

– Мне показалось, что это трёхлинейка.

– Нет, это Винчестер, наверное, шестнадцатого калибра, его ни с чем не спутаешь, по ручке для перезарядки под стволом. Я видел такие, у японцев в Харбине.

На следующий день, зайдя в продуктовую лавку возле церкви, они вновь встретились с незнакомцами. Мужчины складывали в мешок рыбные консервы и «тушёнку». Возле покупателя крутился радостный продавец, несказанно счастливый тем, что наконец-то нашлись покупатели на такой неходовой для деревни товар.

Александр более подробно рассмотрел приезжих. Лицо европейца покрывала болезненная бледность, длинные волосы ниспадали на плечи. Сашка обратил внимание на его руки, с аккуратно подстриженными ногтями и золотым кольцом на безымянном пальце, с головой змеи. Мужчина был одет в поношенный кожаный плащ.

– Наверное, такие носят чекисты и лётчики? – вспомнил Сашка советские кинофильмы.

На его голове угадывалось что-то похожее на мятую шляпу. Из-под плаща виднелись стоптанные сапоги.

На «якуте», как Александр окрестил второго незнакомца, был одет поношенный френч военного покроя, с накладными карманами. Такие же армейские брюки, заправленные в сапоги с мягкими, собранными в «гармошку», голенищами. Картуз с лакированным козырьком на коротко подстриженной голове.

– Такие приказчики носили, – подумал Александр.

Когда, нагрузив мешок, «якут» стал завязывать его, Сашка заметил отсутствие указательного пальца на его правой руке.

– От армии «косил», – ухмыльнулся он.

С продавцом, отрывистыми фразами, разговаривал только «якут». Взвалив на плечо мешок, он, стараясь не встречаться взглядами с Сашкой и Лешим, бочком вышел из лавки. Следом торопливо выскользнул худой.

– Хорошие покупатели? – желая завести разговор, спросил Леший у продавца.

– Не бедные люди, – ответил тот, – деревенские консервы не берут. У каждого своя скотина, мясо заготовлено и не хуже, чем этих в банках. Видно далеко ехать собрались, коль столько берут? И мне прибыль!

– Надо у Николая спросить, что за люди? – выйдя на крыльцо магазина, сказал Леший.

Утром Николай рассказал, что встретившиеся накануне люди, появились в поселении несколько дней назад и остановились у «деда», так называют старейшего жителя. Представились, как иностранные специалисты, проводившие изыскательские работы в низовье Енисея, где планируется строительство заполярного города. Срок контракта истёк, и они возвращаются на родину, морем, через Владивосток. На пароходе доплыли по Енисею до Маклакова, а сейчас, с попутной оказией собираются по Ангаре добраться до Байкала. Где у итальянца, недалеко от станции Култук похоронен брат, погибший при строительстве тоннеля на железной дороге вокруг Байкала. Вчера вечером, на проходящем грузовом пароходе они уплыли дальше.

– Длинный и худой, это итальянец. А второй, похожий на якута, кто? – поинтересовался Леший.

– А кто его знает, – безразлично ответил Николай, – я слышал, как они разговаривали не по-нашему. У тебя другая одежда есть? – спросил он у Сашки.

– Нет у него ничего, – вместо друга ответил Леший, – а что?

– Пойдём, кое-что из одежды моего выросшего брата подберём, а твоё добро бабы пока стирают. Осень на носу надо что-то тёплое подобрать, простынешь ненароком, – предложил Николай.

На следующий день Леший получил известие о том, что отец Иоанн на прошлой неделе сошёл на берег в посёлке Кодинский, намереваясь пробыть там неделю и провести Таинство венчания нескольких пар местных старообрядцев.

Туманным утром следующего дня, они уже качались в сёдлах своих коней, на едва заметной лесной дороге вдоль берега реки. От воды тянуло прохладой, но в подаренной Николаем одежде, Александру было тепло.

Несмотря на усиленные конные тренировки накануне выезда, уже к обеду, Сашка с трудом сидел в седле, предпочитая ехать стоя в стременах, амортизируя ногами. Но стоило ему только опуститься в седло, как он тут же терял стремена. На очередном привале Леший пытался ему объяснить:

– Ты теряешь стремя, чаще всего из-за привычки цепляться за лошадь коленом и пяткой. От этого нога лезет вверх, стремена становятся как бы длиннее и теряются. Не пытайся ездить без стремян, не поможет. Но коль всё же решишься, то лучше начинать на шагу.

Когда они вновь двинулись в путь, Леший скомандовал:

– Брось стремена, расслабь ноги, будто они у тебя висят! Поболтай ими! Молодец! Не напрягая, положи их назад и опусти пятку, смотри, чтобы вся нога оставалась полностью раскрытой вниз. Запомнил это положение и свои ощущения. Теперь возьми ступней стремена. Часть веса ноги должна давить на стремя, но не весь вес. Вот, вот! – подбодрил он, – это и называется правильно «стоять на стременах». В таком положении можно ездить всеми аллюрами, тогда стремена теряться не будут.

У Сашки с третьего раза что-то получилось. Вечером, он сполз на землю и прилёг под деревом на берегу.

– По-моему, я больше никогда не смогу сидеть на собственной заднице, – простонал он.

– Ерунда, сможешь, – успокоил Леший, – утром поедешь, как миленький!

Ближе к противоположному берегу, громко буравя воду плечами огромного колеса, с зажжённым фонарём на мачте, выпуская клубы чёрного дыма, вверх по течению, проплыл пузатый пароход.

– Леший, а почему мы не поплыли на пароходе?

– Вопрос интересный, – ухмыльнулся друг, – у тебя деньги есть?

– Откуда, – удивился Сашка, – я даже не знаю, как ваши деньги выглядят.

– Я знаю, как они выглядят, но у меня в нужном количестве, их тоже нет! – посетовал Леший, – мы в любом случае, не могли бы плыть пароходом. Я не знаю, где мы застанем отца Иоанна, не исключено, что он уедет куда-нибудь в тайгу к своим единоверцам. А у нас нет времени его ждать. Мы поедем следом. И последнее, – мы должны до снега вернуться домой.

И, правда, несмотря на сильные боли в бедрах, в промежности и копчике, Александр держался в седле ещё в течение трёх дней.

Русло таёжной реки причудливо петляло между могучих сопок, но Леший каким-то седьмым чувством предугадав очередной зигзаг, сокращал путь, продираясь через дебри, и вскоре они вновь выходили к реке.

Отца Иоанна друзья застали в посёлке, он в это время вёл службу в храме. Храмом оказалась обыкновенная деревенская изба, с неким подобием маленькой колокольни, украшенной деревянной маковкой с крестом.

Разговор состоялся на берегу реки. Александр с интересом рассматривал старообрядческого священника, – крепкого пожилого мужчину, с окладистой бородой, седыми прядями, под черной скуфьей, в подпоясанной рясе, с восьмиконечным крестом на массивной цепочке.

Отец Иоанн встретил гостей настороженно, даже несколько враждебно, внимательно глядясь в лица приезжих.

Чувствовалось, что беседа может не состояться. Но узнав, откуда прибыли гости, он живо заинтересовался, что нового в посёлке и работает ли шахта? Слегка расстроился, узнав, что в их деревне Боголюбовке, теперь проживают приезжие рабочие. В ходе разговора также выяснилось, что священник хорошо знал отца Лешего, и с самим Лешим был знаком по рассказам жителей.

Но возобновившаяся было беседа, закончилась сразу, стоило Лешему лишь поинтересоваться загадочным исчезновением староверов. Батюшка наотрез отказался говорить на эту тему, вознося молитву и многократно осеняя себя крестными знаменами, извинился и ушёл.

Беседу пришлось продолжить на следующий день. Встретив отца Иоанна после утренней службы, Леший без обиняков рассказал священнику об исчезновении своей семьи, недавних случаях пропажи людей в шахте и таинственных приезжих, живущих в горе.

Сашка, в свою очередь, поделился историей своего появления в этом мире. Рассказал о камнях с надписями и рисунками, о заброшенном храме в скале, вспомнил о странном свечении под его куполом. Не забыл о взорванном входе в шахту, розовом утреннем тумане на берегу и коротеньком пассажирском составе, на котором уехал Мишка.

Выслушав друзей, священник спросил:

– Зачем вы всё это мне рассказали? Что вы хотите?

– Я хочу вернуться назад, в то время, где живут мои родители и друзья, – ответил Александр.

– Я очень скучаю по своей семье, – тихо промолвил Леший, – здесь у меня не осталось никого. Я хочу соединиться со своей женой, детьми и братом, если они ещё живы. Меня ничто не держит в этом мире. Помогите нам, святой отец!

– Но почему вы обращаетесь именно ко мне? Чем я могу помочь?

– Мы знаем, что вам известна тайна скалы. Вы её хранитель. Поэтому и остались здесь, а не ушли со своими братьями и сёстрами.

– Пока я не готов дать вам ответ, это не моя тайна, – наложив на гостей знамение, ответил священник. И быстрыми шагами направился к храму.

Ещё три дня они с самого утра, приходили к церкви в надежде получить ответ. Но отец Иоанн всячески избегал встречи и проходил, в окружении паствы, мимо.

Наконец, когда надежда поговорить, была почти потеряна, и друзья уже собирались в обратный путь, после вечерней службы священник сам подошёл к ним:

– Я удовлетворён вашим долготерпением! Вы настойчивые, целеустремлённые люди! Господь соблаговолил дать мне знак помочь вам! Я вас слушаю!

– Скажите отец Иоанн, правда ли, что ваши единоверцы односельчане, в одну ночь ушли в другой мир, в другое время? И вы до сей поры имеете возможность общаться с ними?

– Они ушли не вдруг и не неожиданно! Когда начались притеснения и запреты местной власти, мы решили посещать наш храм по ночам, но потом в горе поселились чужие люди, и вечерами вход стали закрывать, стало ясно – надо готовиться к исходу! Храм был вырублен в скале нашими далёкими предками. Мы не раз уходили и возвращались сюда вновь, через несколько поколений. Здесь намоленное место, здесь могилы родителей! Наши жители потихоньку распродали скотину и большую часть имущества. В назначенный день, проникнув в подземный храм через потайной вход, мои единоверцы, вероятно, тем же путём, которым вы с другом пришли к нам, – повернулся он к Александру, – вышли наружу, наверх, в другое время и другую жизнь. Я и мои потомки буду ждать их здесь, храня тайну.

– Скажите батюшка, – задал вопрос Леший, – вы не могли бы рассказать о судьбе моей семьи? Может, они там, куда ушли и ваши единоверцы?

– Сын мой, я не провидец и не предсказатель, тем более такие действия не к лицу священнику. У меня нет ответа на ваш вопрос. Но всё в руках Божьих – будем надеяться и молиться!

– Если ли у меня возможность вернуться в свой мир? И как это сделать? – спросил Александр.

– Я точно не знаю, но от старцев слышал, что малая вероятность есть, надо попасть в подземный храм в то время, когда откроются врата. В тот же день и час, когда вы оказались здесь, в этом времени. Шанс есть, но очень мал!

– А если эта дата неизвестна? – спросил Леший.

– Вы же знаете примерный срок происшедшего, надо искать дату и свидетелей, которые могут что-то рассказать.

– Но ведь можно попасть и в другое время, когда тут был ещё, к примеру, Хан Батый?

– Я думаю, для каждого времени есть день и час, но мы этого не знаем. Возможность попасть не туда тоже есть. Всё в руках Господа!

Священник надолго замолчали, думая о чём-то своём. Словно очнувшись, продолжил:

– Мне одному известна только точная дата и срок, касающийся нашей общины. Это знаю я, и только я! Как и то, где находится тайный ход в храм, и как происходит процедура перехода через врата. Вы спросите, почему и зачем я вам это рассказываю? Потому что, у вас есть только одна попытка, и если она будет неудачной, вы умрёте, исчезнете навсегда, мгновенно! Но существует другая тайна у этой горы! Это существо, это «нечто», недавно поселившееся в ней! Берегитесь его!

Наложив крестное знамение на друзей, отец Иоанн повернулся, собираясь уйти, но что-то вспомнив, остановился:

– Завтра я, с Божьей помощью, отплываю дальше на север, надо торопиться, скоро грянут морозы! Перед вами ко мне приходили двое, с виду один якут, а другой, житель Европы. Они тоже интересовались, можно ли попасть в год одна тысяча восемнадцатый? И ещё! Зная, что наши деньги в новой жизни будут не нужны, община, перед уходом, собрав все вырученное, направила верных людей, к одному человеку на Байкал, и купила золото. Которое в новом времени можно будет каким-то образом использовать. Незнакомцы спрашивали меня, как найти этого человека, торгующего золотом. Но, это не моя тайна, я её не знаю! Эти двое оказались подлыми людьми, они украли мой Винчестер. Я из него не стреляю, но вожу с собой, – это подарок. Жаль! Ну да ладно, Бог им судья! А вам удачи, с Богом!

История из детства

Дорога назад показалась намного короче. Александр уже привык к своей Анджеле, лошадь беспрекословно слушалась повода. И он уже считал себя опытным наездником:

– Вернусь домой, обязательно запишусь в конно-спортивную секцию и научусь джигитовке.

Вечерами, укладываясь спать на свежесрубленных сосновых ветках, пахнущих смолой и новогодними праздниками, вспоминалось беззаботное детство, сверкающая огнями и игрушками лесная красавица в громадном зале Дома культуры. Музыка, смех, бенгальские огни, хороводы. А потом была таинственная Новогодняя ночь, дарящая сказку, подарки и чудеса. И Сашке, как ребёнку, хотелось крепко заснуть и проснуться в прежней жизни и времени.

Всё чаще и чаще он вспоминал о доме, родителях, друзьях и даже о бывшей жене:

– Как говорил отец Иоанн, Бог даст, вернусь назад, обязательно встречу с ней, если она ещё не замужем, может и сойдёмся.

Подзабытая за дымкой событий последних недель прошлая жизнь, всё чаще являлась во снах и думах. Вспоминался Мишка уехавший неизвестно куда, – «жив ли он?» Мучили переживания о родителях, не ведающих, куда исчез сын, и, наверное, зачисливших его в списки без вести пропавших:

– Вернёмся в зимовье, обязательно наведаюсь домой, – мечтал Сашка, – но внутренний голос вопрошал, – в чей дом? И что ты там скажешь? Кого встретишь? Деда, которого никогда не видел, или своего отца, бегающего с пацанами по улице? Кем родне представишься? Вот, в том и дело!

Александр силился вспомнить рассказы отца о детстве, родителях, ближних и дальних родственниках, друзьях и событиях тех лет. Но ничего нужного припомнить не смог.

Через три дня они вернулись в посёлок старовера Николая. Весь длинный путь друзья почти не разговаривали, занятые своими мыслями. Но однажды вечером у костра Леший, с какой-то грустью сказал:

– Наверное, мне не суждено увидеть своих детей, жену и брата. Я не знаю дату их исчезновения, тем более, не знаю точное время событий.

– Что, не осталось свидетелей? – с сомнением спросил Сашка, – но ты же говорил, что твоего брата, зарубившего чужаков, поддержали соседи, был бой и погибшие. Неужели не осталось ни одной старушки помнившей это? Вероятно, они помнят и фамилии погибших. Сходи на погост, найди могилы и прочти даты. Может, потом и время всплывёт? По твоим рассказам, беглецы укрылись в шахте ближе к вечеру, а матросы их искали до темноты. Так? Видишь, можно кое-что узнать!

У Николая они пробыли недолго, Леший торопился домой. Уже на следующий день друзья тронулись в путь. На этот раз они ехали на лошадях. В табуне остался любимый конь Лешего, взамен Николай выделил другу молодую кобылу. Сашке оставили его Анджелу. По прибытию на место они должны были продать лошадей.

На этот раз, Леший выбрал другую дорогу, более пригодную для движения верхом, где то и дело приходилось преодолевать горные ручьи и небольшие таёжные речки.

Однажды они выехали на берег очередной, неширокой, но полноводной и бурной реки. Спустившись вниз по течению, нашли более спокойный перекат и решили переправиться вброд, как делали уже не раз. Леший тронул поводья, и лошадь послушно вошла в воду. Сашка поехал следом. Глубина была небольшой, дно галечное и течение после широкого плёса, позволяло лошадям спокойно двигаться к противоположному берегу. Но в какой-то момент, Анджела оступилась на краю переката и тяжело, на бок, ухнула в глубину. От неожиданности Сашка не удержался в седле и с головой окунулся в воду. Правая нога застряла в стремени, а его самого течением затянуло под брюхо лошади. Сашка захлебнулся!

Очнулся на берегу, одежда на нём была расстегнута, а Леший больно, толчками, давил на грудь, делая искусственное дыхание. Сашка перевернулся на живот, его начало рвать речной водой, он опять впал в забытие.

Когда Александр вновь пришёл в себя, на берегу ярко пылал костёр. Вся его одежда и имущество были развешаны около костра. Сашка лежал на походном одеяле Лешего, укрытый попоной. Под деревом стояли рассёдланные кони. Леший колдовал над котелком, висящим над костром. Рядом, вождельно глядя на котелок, сидел Полкан.

Заметив, что Сашка очнулся, Леший спросил:

– Ну что, очухался? Напугал ты меня брат! Скажи спасибо своей кобыле – выплыла и тебя вытянула на мелководье. Тут я её за повод поймал, и быстренько повёл к берегу, опасаясь, что твоя нога от стремени освободиться и тебя унесёт течением. Но, слава Богу, – обошлось!

Потом они ужинали. Так до конца и, не согревшись, Сашка, сдерживая дрожь, поведал своему другу, что подобную историю, ему когда-то давно рассказал отец. Примерно также, чуть не утонул на реке, его троюродный брат.

– Хочу съездить к своим родственникам, в дом моего отца, – поделился планами Сашка, – там сейчас должен же кто-то жить? Дед, бабушка, мой отец, которому сейчас лет четырнадцать, другая живущая рядом родня.

– Может, этого пацана встретишь, троюродного брата, который чуть не утонул? – улыбнулся Леший.

– Нет, он со своей матерью, как мне рассказывал отец, прожили у деда недолго. Мальчишку, как мне помнится, звали Виктором – его отец был, то ли двоюродным, то ли троюродным братом моего деда, звали его, также как Распутина – Григорием, поэтому и запомнил. В гражданскую войну воевал на юге, в армии Врангеля и эвакуировался в Турцию, где следы его затерялись. Оставшаяся жена с сыном переехали в Сибирь, и какое-то время жили у нашего деда.

Моему отцу – Ивану в ту пору, вероятно, было лет пять-шесть, а Виктору, наверное, лет четырнадцать – пятнадцать. Однажды, они с другими пацанами, вечером поехали на реку купать лошадей. У всех кони были не оседланы, а Виктор, вместе с маленьким Ванькой, ехал в седле. На берегу Ваньку ссадили на землю, а Виктор заехал в реку. Конь в воде на что-то

наступил, испугался и встал на дыбы. Виктор запутался в стремях, упал и оказался под брюхом коня. На счастье, берегом проходили взрослые и спасли неумелого наездника.

– Ты так подробно рассказываешь, как будто сам всё это видел, – удивился Леший.

– По-видимому, это было одно из самых ярких детских впечатлений отца. Он рассказывал о случившемся очень часто, каждый раз добавляя какие-то мелкие подробности.

– Витька, наверное, после этого, стал бояться лошадей?

– Нет, дед помимо работы, держал хозяйство и имел лошадь, за которой заботливо ухаживал, в этих делах ему всегда помогал Витя. Но потом, Витька с матерью уехали на Дальний восток строить город на Амуре. Какое-то время родственники переписывались, а затем, связь прекратилась, и их дальнейшая судьба, как рассказывал отец, осталась неизвестной.

– Скоро зима, – вздохнул Леший, – можешь остаться у меня, перезимуем как-нибудь.

– Спасибо, я и так принёс тебе много лишних хлопот. Охотник из меня, прямо скажем, никакой! Поэтому до следующей осени, мне надо определиться, так сказать, – легализоваться, устроится на работу, изучить все возможные варианты проникновения в шахту и староверческий храм в скале. А тебе надо узнать дату и подробности исчезновения вашей семьи.

Вечером следующего дня друзья приехали к зимовью. Расседлав коней и наскоро перекусив, легли спать.

Утром Сашку разбудил Леший:

– Вставай, попьём чайку и поедем в посёлок, мне надо посмотреть свой дом, поговорить с нужным человеком по поводу продажи лошадей, прикупить кое-что нужное в лавке и конечно, узнать, что нового на станции и шахте. Вечерком протопим баньку и попаримся от души. Согласен?

– Конечно согласен, – ответил Сашка, – одного боюсь, – загребут меня в посёлке в «кутузку»! И никогда мне не вернуться в своё время, к своим друзьям и родителям!

– Ты в зеркало давно смотрелся?

– Где оно в тайге зеркало? Да, и у Николая во флигеле я его не видел.

– На оконце возьми маленькое зеркало, я иногда в него смотрюсь, когда бороду расчёсываю, или на голове волосы-торчки подстригаю.

Из зеркала на Сашку взглянуло бородатое, лохматое существо, в котором он с трудом узнал себя.

– Зарос, как пёс не чёсанный, – в раздумье промолвил Сашка, – даже глаза какие-то узенькие стали, как у монгола, или китайца.

– Не думаю, что начальник станции, единственный оставшийся из твоих прежних знакомых, смог бы тебя узнать, – засмеялся Леший.

– А если спросят документы?

– Кто спросит? Участковый в посёлке редко на улице появляется, как правило, в праздники. Он больше отчёты пишет в район. На вокзал я один схожу, посмотрю что, да как? Сейчас лошадей оседлаем, твой карабин спрячем подальше, кое-что из имущества соберу и поедем. Полкан тут останется, зимовье сторожить.

На реке долго ждали стоящий под противоположным берегом паром. Наконец с шумом разрезая носами двух лодок течение, громоздкое сооружение поплыло к ним.

– Сейчас познакомишься с моим другом Богой, я тебе про него рассказывал. С войны вернулся хромым, припадает на одну ногу, поэтому и работает паромщиком.

– Я думаю, ты не будешь ему рассказывать, что я недавно встречался с его внуком?

– Конечно, нет! Он подумает, что мы сошли с ума, или крепко выпили.

Между тем, паром с грохотом пришвартовался к деревянному причалу. Невысокого роста, худенький мужчина, с седыми волосами и реденькой бородкой, ловко перепрыгнув на причал, накинув цепь на торчавший железный крюк, подошёл к друзьям.

– Здорово живём! – поздоровался мужчина, протягивая руку Сашке.

– Нормально живём! – ответил Леший, не заскучал тут без меня?

Сашка пожал руку паромщика, и в первые, неожиданно чётко осознал, что пожимает руку и разговаривает с человеком, которого в его прошлой жизни, в его – Сашкином времени, давно уже нет, он умер много лет назад. Раньше такая мысль просто не приходила ему в голову, с Лешим Сашка общался, как с обычным человеком, живущим с ним в одном временном диапазоне.

– Далече ходили? – не по возрасту звонким голосом спросил Бога.

– По угодьям пробежались, кое-что подправили, дровишек заготовили, – сводя под уздцы гулко стучащую копытами по деревянному настилу лошадь, – ответил Леший, – к Николаю-староверу заглянули, по Енисею до Ангары сходили.

– Всё не теряешь надежду попа старообрядческого найти? Нашёл?

– Кое-что узнал, – уклонившись от ответа, – пробасил Леший, обнимая паромщика.

– Ну и то ладно! Надолго в посёлок?

– Пару деньков поживём, а там видно будет.

В комнатах большого отцовского дома Лешего, было зябко и неуютно, чувствовалось долгое отсутствие хозяев. С пожелтевших фотографий на стенах гостиной на Сашку глядели лики людей, некогда живущих в этом старинном доме.

Леший ушёл в посёлок по своим делам. Александр наносил воды и затопил баню, на быстро разгоревшейся кухонной плите, из привезённых с собой продуктов приготовил нехитрый ужин и стал ждать друга.

Хозяин дома вернулся поздно, Сашка уже начал волноваться, приготовленная еда остыла, в пыльное окошко давно заглядывала грустная Луна, в животе урчало и хотелось кушать.

Наконец звякнула щеколда калитки, на крыльце послышались шаги, в тёмном проёме дверей появилась знакомая фигура.

– Ты почему в темноте сидишь? – с порога спросил Леший.

– Выключателей на стенах и лампочек на потолке я не нашёл. Где хранятся свечи, тоже не знаю, вот так и сижу в потёмках!

– Разбаловались вы там, в новой жизни, наверное, электричество в каждом доме?

– Конечно, у нас всё на электричестве, свет, кухонные плиты, пылесосы и прочая техника.

Сашка хотел было рассказать о телевизоре, но вовремя одумался, поняв, что рассказ может растянуться на всю ночь. Как однажды уже было.

– Нет, брат, у нас электричество только на станции, в сельсовете, в некоторых домах, где начальство живёт, да на шахте. Но после одиннадцати лампочки горят только на вокзале. Сейчас керосиновую лампу достану, и будет свет. Занавески на окне задёрни, зачем чужим нас видеть!

Леший ушёл в чулан и вернулся с керосиновой лампой в руках. Сашка помнил такие лампы из своего детства. В посёлке, где он вырос, в то время электричество тоже выключали в одиннадцать часов. Прогуляв светлое время, уроки приходилось делать при лампе, родители были этим крайне недовольны.

Жёлтый язычок пламени, за «пузатым» стеклом, разгорался ярче и ярче, и вскоре в комнате стало светло.

– Незаменимая вещь зимой, когда дни короткие, – вслух рассуждал Леший, – пожалуй, заберу лампу с собой в зимовье.

– У нас тоже была такая, когда я был маленьким, – сообщил Сашка.

– Помнишь, как ты нам с Николаем рассказывал сказки про домашнее кино, которое можно смотреть хоть по сто раз на день и деньги не платить? Как оно называется?

– Телевизор.

– Во, во – «визир»! Кнопки на нём нажимаешь и смотришь. И лампу керосиновую ты тоже помнишь. А почему лампа, к примеру, называется «восьмилинейкой», или «двадцатилинейкой» знаешь? Вот, то-то, не знаешь! То есть, телевизор ты выучил, а его предшественника – лампу нет. А название «двадцатилинейка», всего-то, обозначает ширину фитиля лампы, в старинных единицах измерения – «линиях», – засмеялся Леший, – ты проиграл, иди баню подтопи!

– А линия чему равна? – не сдавался Сашка.

– Не знаю! – признался Леший, – проиграл! Значит, пойдём вместе, я лошадям сена дам!

После баньки за ужином, Леший впервые за всё время их знакомства, налив из старинного графина в гранёные рюмки, сказал:

– Давай Саша выпьем за удачу!

Спать легли за полночь. Леший рассказал поселковые новости, на вокзале новый милиционер, начальника станции после побега японского шпиона, несколько раз вызывали в район на допрос. От переживаний он даже похудел. Шахта последнее время не работает, в связи с проведением каких-то наладочных работ. Ранее работавший там иногородний люд потихоньку разъезжается. В посёлке, где живут Сашкины родные, организовали совхоз, и ведут большое строительство. Дед Бога обещал помочь найти свидетелей перестрелки, после которой пропала семья Лешего. Сам Леший предварительно договорился о продаже Сашкиной кобылы Анджелы, завтра к обеду придут покупатели посмотреть лошадь.

Потихоньку разговор перешёл на дела Александра.

– Тебе надо встретиться с родственниками, – посоветовал Леший, – поговорить, осмотреться. При случае, остаться у них на зимние месяцы, устроиться на работу. Надо как-то продержаться до тепла. Мне кажется, что рассказанная тобой история с потерявшимся троюродным братом может тебе помочь. Назовись им, скажи, что матери не стало, вероятно, так оно и есть на самом деле, а ты, оставшись один, ходил в море с рыболовецкой артелью. Потом сменил много мест и трудился в колхозе. Кем ты мог бы трудиться в колхозе, или в артели? – неожиданно спросил Леший.

– Не знаю, – ответил Сашка, – наверное, электриком.

– Прекрасно, так и запишем. Мне Николай дал чистый бланк с печатью какого-то колхоза. Подожди, сейчас принесу.

Он вернулся с напечатанным на серой бумаге бланком, чернильницей и перьевой ручкой. Макнув перо, пододвинувшись ближе к свету, написав первое слово «Дана» посмотрел на Сашку:

– Как твоя фамилия?

– Карпов.

– У деда и у его брата как? Тоже Карпов?

– Конечно Карпов и отец мой Карпов Иван, и дед Карпов Семён Пантелеевич! Все мы карпы из одного озера! – засмеялся Сашка.

В течение часа они обсуждали коротенький текст, писали его на обрывках найденной газеты, зачёркивали и вновь писали. В итоге, красивым подчерком бывшего кадета Краснощёкова на бланке было выведено —

«Дана Карпову Виктору Григорьевичу, электрику рыболовецкой артели „Мир“ пос. Муклаково. Что он отпущен до 20.05.1939 года для трудоустройства и последующей работы в зимний период». Печать, подпись – неразборчиво.

– Да это же филькина грамота, – прочитав написанное, удивился Сашка, – это же не паспорт! У нас без паспорта никуда!

– Я не знаю, что там у вас, в светлом будущем, – обиделся Леший, – а у нас паспорта имеют только жители городов и приравненных к ним поселений. А в сельской местности, – лица, работающие по найму на государственных предприятиях и получающие заработную

плату. У колхозников паспортов нет. Самостоятельно менять место жительства они не имеют права. На время командировок им выдаются справки сельского совета, или правления колхоза. Тебе, Сашка, повезло ты член рыболовецкого колхоза, согласно закону, в местностях, с продолжительным зимним периодом, справки на выезд для сезонной работы по найму выдаются на пять – шесть месяцев. Понял? – прокурорским голосом огласил Леший.

– Тогда я завтра пойду домой, – поразмыслив, объявил Александр, – к отцу с дедом. Пойду пешком, чтобы на вокзале не светиться, тут недалеко – километров тридцать.

– Я тебе, оставшийся от брата-Василия саквояж найду, а то, как-то неудобно, приехал издалека и без вещей. Сложим туда твою прежнюю одежду, полотенце, кеды.

Укладываясь спать на непривычно мягкие постели, перед тем, как заснуть, Леший сказал из темноты:

– Если, что-то не получится, возвращайся в зимовье, если меня не будет, знаешь, где ключ лежит и карабин тоже. Там же оставлю припасы. Не волнуйся, переживём! – повозившись, Леший добавил, – да, я вспомнил, фитиль измеряют в «линиях», линия равна двум миллиметрам! Спокойной ночи!

Виктор Карпов

Утро следующего дня, как назло, выдалось прохладным. В лучах утреннего солнца на ещё зелёной траве, серебрился первый иней. Луг за околицей посёлка, через который проходила дорога, казался россыпью сказочных изумрудов, искрящихся разноцветными, мерцающими бликами.

Сашка шагал по пустынной дороге, глубоко засунув руки в карманы куртки, подняв воротник и натянув до ушей подаренный Николаем капелюх. Саквояж Василия оказался очень удобным, туда вошли все скромные пожитки, и нести его можно было даже подмышкой. Теперь бородатый Сашка, стал похож на сельского доктора, или ветеринара.

За густым лесом был слышен перестук колёс идущего поезда и тяжёлое дыхание паровозов.

– Хорошо было бы заскочить на проходящий товарняк, – подумал Сашка, – через полчаса был бы на месте. Но на перегоне на тормозную площадку не заскочишь – скорость велика, а на станции можно охране попасться. Отец рассказывал, что в эти годы, на последней площадке поезда, ездил тормозной кондуктор, в тулупе и с винтовкой. Не дай Бог подстрелит, приняв за вора, останешься здесь навсегда. Сейчас солнышко поднимется и станет теплее!

Действительно, солнечные лучи потихоньку съели иней, над землёй заструилось незаметное тепло, отчего дальние предметы, особенно на взгорках, на фоне неба, будто бы парили в воздухе. От быстрой ходьбы стало жарко, Сашка расстегнул куртку, сдвинул капелюх на затылок и бодро шагал посередине полевой дороги.

– До родного посёлка тридцать километров, средняя скорость пешехода – пять километров в час. За шесть часов должен дойти, – прикинул Сашка, – но это если шагать, да шагать, без остановки! Так не получится – ноги устанут, левый ботинок уже начал большой палец тереть! Дойду до поворота, вон у того песчаного взгорка, отдохну и переобуюсь.

Переобувшись и отдохнув, Сашка посидел, опёршись спиной на ствол берёзки. Вспомнился утренний разговор с Лешим:

– Ты, Саня, самое главное забудь своё имя, с этой минуты ты Виктор Григорьевич Карпов! Хорошо бы тебе ещё вспомнить, как звали мать Виктора. Если у меня тут появятся какие-то новости, сам к тебе приеду, адрес помнишь?

– Набережная улица, дом одиннадцать!

– Удачи Виктор! Деду передавай привет!

Поднявшись, Сашка вновь зашагал по обочине дороги, продолжая вспоминать утренний разговор.

– Странно, и прошлый раз Леший про деда спрашивал и сейчас привет передаёт. Может и вправду они знакомы?

Интересно, как дед выглядит, может быть, мы чем-то похожи? Отец ещё пацан, по заборам лазает, на него-то, я точно должен походить. У отца есть две младших сестрёнки, тётя Наташа и тётя Катерина. Как мне теперь называть своих тёток-малолеток? С отцом на рыбалку будем ходить. Помнится, он мне давал взбучку за то, что курил. Интересно, а сам-то он сейчас, наверное, тоже втихаря подкуривает? Мама родом из соседнего села и отец, вероятно, про неё еще ничего не знает. Так, осталась ещё бабушка, мать отца и зовут её Любовь Андреевна. Слава Богу, она до сих пор живёт с моими родителями. Вроде всех вспомнил! Интересно, как они меня встретят? Надо ещё, что-нибудь из рассказов отца о детстве припомнить.

Солнце почти достигло зенита, было тепло, в придорожных кустах перекликались невидимые птички. В небе звенел ещё не улетевший на зимовку жаворонок. От сарая у дома путевого обходчика, возле железнодорожной насыпи, послышалось крик петуха.

– Хорошо! – Сашка полной грудью вдохнул пьянящей воздух, – широко и свободно! Когда-то мы с Мишкой по этой самой дороге ехали на родительском «Ирбите» на рыбалку, к той самой скале. Тогда тоже синело небо, светило солнце, пели птицы, – непонятно одно – это уже было, или только будет? Теперь, поди, разберись – в какой из этих жизней, я стою на этой дороге? Я уже есть, или ещё нет ни меня, ни Мишки, ни мотоцикла? Наши мамы ещё прыгают в «классики», а папы лазят по заборам и крышам. Но я-то здесь! Я стою на той самой дороге, по которой мы проедем только через тридцать с лишним лет. Сумасшествие какое-то! Кошмарный сон! Так и крыша съедет!

Внимание Александра привлёк коротенький состав из трёх старинных пассажирских вагонов и зелёного паровоза, остановившийся у сараев путевого обходчика:

– Похож на пригородный поезд «Ученик», ходивший здесь до электричек! – определил Сашка, возвращаясь к своим предыдущим размышлениям – о чём же я думал? А! Вспомнил! Отец что-то рассказывал о крышах и сараях, какой-то скандал! Да, да! Однажды, Витька и пацаны с набережных улиц, ночью, ради баловства, залезли на крышу старого двухэтажного сарая в Привокзальном посёлке и раскатали его. Древнее сооружение рухнуло, погребая под собой скарб жителей и хозяйских кур. Злоумышленники пойманы не были. Но дома тётя Света догадавшись, чьих рук это дело, дала Витьке такого ремня, что дед с трудом отнял у разгневанной родительницы непослушного сына, – подумал Сашка, – её звали Светланой! Это хорошо, что я вспомнил – точно, Светланой!

Где-то сзади на дороге послышался негромкий топот копыт и характерное позвякивание упряжи.

– Повозка, ходко едет! – предположил Александр и оглянулся, – на повороте дороги он увидел поднимающую лёгкую пыль двухколёсную бричку, запряжённую серой лошадью, вторая, рыжая, трусилась сзади.

Он хотел было укрыться в кустах, но передумал:

– Седок, вероятно, меня тоже заметил. Спрячусь, вызову подозрение. Пойду потихоньку, захочет подвезти – не откажусь, но сам голосовать не буду.

Бричка приближалась, и вскоре он услышал за спиной бодрый мужской голос:

– Далеко путь держим?

Сашка обернулся, с ним поравнялась плетёная двухместная бричка на больших колёсах, в ней сидел симпатичный мужчина средних лет, в светлой пыльнике и «сталинской» фуражке, очень похожий на товарища Саахова из «Кавказской пленницы».

– Добрый день! В посёлок иду! – как можно дружелюбнее ответил Сашка. Попутно отметив, что привязанная за бричкой лошадь, его рыжая Анджела.

– Садитесь, – подвинулся мужчина, – вдвоём будет веселее!

– Спасибо, буду признателен! – театральной фразой ответил Сашка, – усаживаясь на мягкую подушку сидения, подумав при этом, – хороша бричка, видно не простой человек её владелец.

Какое-то время ехали молча.

Сашка понял, что мужчина и есть тот самый покупатель, о котором накануне говорил Леший. А ещё он прикинул, как будет отвечать на вопросы неожиданного попутчика.

– Так и будем ехать, молча? – улыбнулся мужчина, – давайте знакомиться, – протягивая руку, представился – Пётр Павлович!

– Виктор Григорьевич, – выдавил из себя Сашка.

– К кому-то в гости приехали? – поинтересовался мужчина.

– Ну, началось! – подумал новоиспеченный Виктор, чувствуя испарину на спине. – Да, решил навестить родственников, давно не был в этих краях, с самого детства. К Карповым еду, к Семёну Пантелеевичу – брату моего отца.

– Я в посёлке недавно, – ответил Пётр Павлович, – всё равно никого не знаю. Мы тут совхоз строим. А вы, сами- то откуда будете?

– Всё, влип! – бросило Сашку в холодный пот, – в такой повозке крестьяне не ездят, точно из госбезопасности, или из НКВД, ишь, расспрашивает!

С трудом поймав ускользающую мысль, Сашка не торопясь ответил:

– Живу и работаю в, рыболовецком колхозе, в низовьях могучего Енисея, ловим осетра, сига, лосося. В этом году – путина уже закончилась, на севере скоро ледостав, меня отпустили до весны на «вольные хлеба». Надеюсь, родственники помогут, устраюсь на работу до весны.

– А семья где?

– Я закоренелый холостяк.

– И не был женат? – удивился Пётр Павлович, – из монахов что ли?

– Нет не из монахов, – засмеялся Виктор, – был женат, но как-то не получилось. Сейчас живу один. На Севере с невестами туговато.

– Дети то, хоть есть?

– Не нажил, к сожалению!

– А по специальности матрос, рыбак, или разнорабочий? Я не знаю, как в рыболовном флоте рабочих называют.

– Нет, я по специальности электрик.

– Электрик это здорово, даже очень здорово! А мы тут строим совхоз, дома для жителей, фермы, мастерские, зерноток, скоро пустим свою электростанцию. Потом и клуб построим, танцы каждую субботу! Невест, – выбирай, какая приглянется! Устройтесь у родных, отметитесь у паспортистки, приходите, я директор совхоза, фамилия Морозов.

За разговорами незаметно приехали в посёлок, Виктор распрощался с говорливым директором и пошёл по знакомой с детства, и в то же время незнакомой, улице.

Здесь дома стояли реже, не было тех громадных тополей, в тени которых он играл с друзьями жаркими летними днями. Навстречу попала женщина-почтальон, внимательно посмотревшая на приезжего, Сашка пытался узнать в ней кого-то из знакомых, но вспомнив, что он теперь Виктор, оставил это занятие и поспешил к дому деда.

Дом стоял на прежнем месте, его крепкий сруб не был ещё обшит досками, на крыше не торчала телевизионная антенна, и выглядел он, как типичный деревенский пятистенки. Палисадника тоже не было, у калитки, на лавочке сидел подросток и читал книжку.

– Здравствуй, ты вероятно, Иван?

– Иван, – запнувшись на первом букве, удивлённо ответил подросток.

– Точнее Иван Семёнович, – деланно улыбнулся новоиспеченный Виктор.

– Так меня ещё не называют, – засмеялся в ответ мальчишка.

– Меня ты конечно не узнаёшь?

– Нет, не узнаю, вы похожи на Чехова, но без очков.

– Чехов носил пенсне.

– В школе мы недавно проходили его рассказ «Человек в футляре». На картинке Чехова похож на вас и у него был такой же чемоданчик.

– Нет, я не Чехов, но ты меня знаешь. Давай напомним!

Кто тебя катал на лошади, когда ты был маленьким? Помнишь, как ты плакал, когда я на реке упал с коня и чуть не утонул?

– Вы Виктор, сын тёти Светы! Бабушка, бабушка! – закричал парнишка, открывая калитку, – Витька приехал! Тёти Светы сын!

На высоком крыльце появилась бабушка отца, с весенним именем Тая, она недолго жила у Сашкиных родителей и запомнилась ему своим именем и тем, что часто молилась перед образами. Потом она уехала жить к папиной сестре.

– Виктор, – всплеснула она пухлыми ладонями, – Виктор, тебя и не узнать, ты стал настоящим мужчиной! Ну что же мы топчемся в ограде – проходи в дом!

– Здравствуйте баба Тая! Рад видеть вас в добром здравии!

– Прходи, проходи, я в доме одна! Семён Пантелеевич в поездке, обещал быть к вечеру, Люба на работе, на почте.

В доме было всё по-другому, – на кухне широкие скамейки вдоль стены, иконы с лампадкой в переднем углу, простенькая мебель, праздничная посуда за стёклами буфета, от русской печи к дверям, над половиной кухни, под потолком, полати, задёрнутые расшитой занавеской.

Из дальней комнаты выпорхнули две девчущки лет шести, в одинаковых платьях, увидев гостя, засмутились.

– С этими красавицами ты, наверно, не знаком, это Ванькины младшие сёстры Наташа и Екатерина.

– Когда мы с мамой уезжали, их ещё не было.

– А Стёпа, мой младшенький погиб в июле нынешнего года в боях на Хасане, – вытерев платком набежавшую слезу, почти прошептала баба Тая.

Посидели молча. Очнувшись от горьких дум, бабушка скомандовала:

– Ваня, баню растопи, Виктор с дороги помоется, да и дед из поездки вернётся, после паровоза ополоснётся. Пойдём Витя, покажу тебе комнатку, там и расположишься, помоешься, чайку попьём, да поговорим.

Они прошли в комнатку с входом из прихожей. Где стояла заправленная кровать, маленький стол, тумбочка и табурет.

– Располагайся, это каморка Степана, здесь он жил пока учился, потом работал шофёром в Канске. С машиной его и призвали весной, он больше не вернулся, сказывали, на мину наехал.

Бабушка ушла, Виктор огляделся, комнатка была знакома, у него здесь размещалась маленькая мастерская, фотолаборатория и хранились старые вещи.

Виктор помог Ваньке наносить воды из колодца, вместе растопили печь и как-то сдружились. Договорились сходить на рыбалку, Иван обещал показать уловистые места. После бани, баба Тая пригласила на чай с плюшками, они долго разговаривали. До прихода Любови Андреевны, Виктор успел узнать от словоохотливой старушки, самые свежие деревенские и семейные новости. Семён Пантелеевич приехал поздно, сразу ушёл мыться. И за поздним ужином, Виктору, в который раз, пришлось пересказывать, теперь уже для всех вместе, историю своей непростой жизни. О холодной зиме в Комсомольске на Амуре, простуде и смерти мамы, своих скитаниях, путинах на рыболовецком траулере, службе в пограничных войсках на Диксоне, женитьбе, работе в рыболовецком колхозе на Енисее, разводе и своём решении приехать на зиму к родственникам. Придумывать многое не пришлось, пригодились воспоминания о службе на границе и работе в стройотряде на рыбзаводе во время учёбы.

Виктор, вспомнив детство и историю с упавшим сараем, и шуточно поблагодарил Семёна Пантелеевича за свою спасённую жизнь.

– Крепкую трёпку мать тебе устроила, – согласился хозяин, – однако, неделю на животе спал и за ворота не выходил.

Засиделись далеко за полночь, в конце беседы Виктор поделился планами:

– По дороге из Павловки меня подвёз на своей бричке директор совхоза Пётр Павлович Морозов. Узнав, что я электрик, предложил устроиться к ним на работу. Завтра с утра отлучусь в паспортном столе и к нему в контору.

– Отдохни с дороги, потом и пойдёшь, – предложил Семён Пантелеевич, – куда спешить-то? Может, ещё к нам в мастерские устроишься, на железной дороге электрики тоже нужны.

– Нет, я и так давно бездельничаю, считай месяц с лишним, до вас добирался. Схожу к Морозову.

Лёжа на кровати в каморке погибшего Степана, после всех выдуманных историй, рассказов, вопросов, стыда от того, что приходится обманывать этих добросердечных людей, Сашка вдруг отчётливо понял и внутренне ощутил себя Виктором! Дороги назад не было! Но он твёрдо решил для себя, что обязательно придёт такое время, когда он сможет рассказать правду. Пускай не всем, но хотя бы деду Семёну!

Сон не шёл, повозившись на чистой постели, пожалев, что бросил курить, Виктор ещё раз мысленно перебрал события прошедшего дня:

– Неожиданная встреча с директором строящегося совхоза была, как нельзя кстати. Неизвестно какие порядки в этой жизни, а в той, где он окончил институт, без удостоверения о полученной специальности и допусков для работы, как говорят, «под напряжение», никто тебя работать электриком не возьмёт. В совхозе, вероятно, попроще и по справке примут. То, что первыми встретились Иван и баба Тая, дали возможность перестроиться и вжиться в события и свою новую жизнь. Судя по всему, ему поверили, напрасно он боялся, что дед Семён в один момент стукнет кулаком по столу и скажет «Врёшь! Жива Светлана, на днях письмо было!»

Он ещё раз перебрал в памяти всех вспомнившихся родственников, и с доброй улыбкой отметил того, кто станет его отцом:

– Иван открытый, доверчивый, добрый парень – мой отец, как ни крути! Хорошо бы и маму увидеть! Обязательно научу Ваню чему-то нужному, хотя бы по части электричества. Кстати, отец в той, – моей жизни, энергетиком работает.

Утром после завтрака Любовь Андреевна предложила:

– Ты, поди, забыл, где сельский совет? Пойдём вместе, там паспортисткой работает моя подруга. Похвастаюсь своим гостем, да спрошу, как у неё дела, давно не виделись!

Всё сложилось как нельзя лучше, через два дня Виктор Григорьевич Карпов работал в бригаде электриков на готовящейся к пуску электростанции.

Отец и сын

Получив аванс и подъёмные, Виктор половину отдал бабе Тае, она заведовала кухней. Каморка так и закрепилась за ним, хотя он сразу сказал, что скоро будет сдаваться два дома, и он может получить в одном из них комнату.

Дни помчались, как в калейдоскопе. Бабушка Тая вставала очень рано, провожая по очереди всех. Когда Семёном Пантелеевичем, был не в поездке, они завтракали вместе. Но чаще, Виктор, быстренько покушав, прихватив собранный бабушкой «тормозок» с обедом, убегал на свою стройку. В воскресенье они с Иваном ходили рыбачить на «утренней зорьке», как называл это время будущий отец. Речка была всё та же, но рыбы в ней было, несомненно, больше и, посидев часок – полтора, можно было принести домой на радость бабушке Тае, полведёрка приличных чебаков и краснопёрок.

Они крепко подружились, Иван по секрету рассказал другу, что ему нравится девчонка из его класса, которая живёт в соседней деревне, и они с друзьями часто провожают девчонок домой, если занятия задерживаются.

– Она-то знает, что нравится тебе? – спросил Виктор.

– Наверное, знает, когда я долго смотрю на неё на уроке, она оборачивается и тихонько улыбается.

Александр знал, что отец женился только после войны, а где они с мамой познакомились, не помнил. Поэтому с замиранием сердца спросил:

– Как её зовут?

– Люда, Людмила! – ответил Иван.

– Ух, отлегло от сердца, – подумал Сашка, но для уверенности спросил, – а фамилия как?

– Ивлева!

– Хорошая девчонка, я знал её старшего брата.

– Вместе сараи раскачивали? – засмеялся Ванька.

– Да, да! Не груби старшим!

Строящаяся электростанция оказалась паровой. Пыхтящий агрегат, похожий на откушенный нос небольшого паровоза, через два громадных шатуна, вращал маховик, а тот, одним валом крутил динамо машину, а другим, привод насоса, качающего из-под земли воду.

– Всё продумано, – гордо показывал директор совхоза электростанцию гостям из области, – и электричество вырабатывает и воду качает!

Виктор с бригадой проводил электричество в недавно построенные дома, мастерские и правление совхоза. Иногда, после школы, ему помогал Иван, потихоньку постигая монтерскую науку.

Между тем, закончилась осень, с её нудными дождями, расквашенными дорогами и промозглыми ветрами. Следом, морозные вихри принесли первые робкие снежинки, прозрачным ледком подёрнулись лужи и таёжные озёра, на реке, сталкиваясь и наползая на низкие берега, пошла шуга. И в одну из тёмных ночей с неба на землю, в весёлом хороводе опустились пушистые снежинки, накрыв белым ковром крыши домов, дороги, деревья, ближние и дальние сопки. Пришла зима!

Виктор с напарником Дмитрием тянули линии электропередач в отдалённые отделения совхоза. Работа была не сложной, столбы установили ещё по теплу.

Ездили на лошади, запряжённой в сани. Однажды получая со склада необходимые материалы для работы в Ильинке, задержались и поехали после обеда. По дороге догнали группу школьников, возвращающихся домой после уроков. Предложили подвезти, те с радостью попрыгали в сани, отчего в просторной кошёвке сразу стало шумно и тесно. Девочек среди школьников было три, Виктор пытался определить, кто из них Люда Ивлева, его будущая мама.

Но так и не смог, все девчонки были тёмноволосые, кареглазые, задорные и весёлые. Но одна из подруг показалась Виктору более привлекательной. Уже на окраине Ильинки он всё же решил спросить:

– Девчонки, кто из вас Люда Ивлева?

– Я! – стрельнув на него глазами, ответила именно та девочка, на которую он обратил внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.